

Екатерина Морозова

Культ. Пробуждённые

18+

Екатерина Морозова
Культ. Пробуждённые

«Автор»

2026

Морозова Е.

Культ. Пробуждённые / Е. Морозова — «Автор», 2026

Психологи Ольга и Олег Ковровы обещают пробуждение и вход в Арамею — новую реальность для избранных, всем страждущим душам. Вот только духовные лидеры умалчивают о том, что выхода из этой реальности нет. Два билета в свою кровавую секту они случайно оформили и тем, кто искал не веру, а правду: оперативнику ФСБ Владиславу Лисицыну и спецкору газеты «Белые ночи» Фаине Костровой. Психологический триллер о том, как безобидная ложь в эпоху патологической психологизации превращается в кошмар наяву.

© Морозова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящается	5
Пролог	6
Часть I. Новое время	8
Глава 1. «Человек адовый»	8
Глава 2. Непохороненные	17
Глава 3. Дыра в груди	25
Глава 4. Мышиный оскал	34
Часть II. Пробуждённые	42
Глава 1. Редакция требует...	42
Глава 2. Комета	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Екатерина Морозова

Культ. Пробуждённые

Посвящается

Леониду Васильевичу. Моему самому близкому человеку.
С благодарностью, за любовь и вдохновение.

Пролог

Май 2025 года

В большой комнате было темно, но глаза постепенно привыкли и стали различать обстановку. С деревянного, местами прохудившегося потолка монотонно капала вода. По комнате гулял сквозняк. Дрожа от холода, девушка с длинными белыми волосами уселась на узкой, скрипучей кровати. Пытаясь согреть себя, она поочередно обхватывала то колени, то плечи. Подслеповато шурясь, она вглядывалась в темноту и искала ботинки. Нашла, надела на обледеневшие ноги, туго затянув шнурки. Стопам сразу стало теплее.

Блондинка провела руками по волосам – кудри превратились теперь в грязные пакли. Девушка начала присматриваться вокруг, подслеповато шурясь и поддёргивая носом. Запах в комнате, несмотря на сквозняк и дырки в крыше, стоял плотный, человеческий. Её передёрнуло от омерзения. Рядом на расстоянии метра с обеих сторон лежали на тонких, подраных матрасах несколько десятков других людей: мужчины и женщины. Все они спали одетыми, но всё равно тряслись от холода, вздрагивали во сне, шмыгали носами и кашляли. Девушка задрала голову вверх и ту же секунду зажала рот рукой, едва успев сдержать животный крик. На потолке, сквозь который пробивались противные ледяные капли весеннего дождя, было закреплено несколько крышек гробов. Тусклые лучики майской ночи, пробивавшиеся сквозь щели, освещали крышки. По ним ползали, шурша лапками и крыльями, какие-то насекомые.

— Короеды. Это короеды... — раздался справа от девушки тихий шёпот, который потом резко сорвался в лающий влажный кашель.

Блондинка испуганно дёрнулась и посмотрела в темноту. Там на матрасе, едва заметно поблёскивая белками глаз, лежал некто, замотанный в тёмные тряпки. Какого пола был этот некто, она определить не смогла, а вот смрад, который источало это тело, почувствовала. Так пахнут люди, которые не моются по несколько месяцев.

— Там, на гробах, короеды, — снова сказала тело в тряпках. — Они точат дерево. Потолок течёт из-за них... Скоро и гробы упадут на пол. Среди ночи на кого-нибудь...

Зажав рот рукой, девушка вскочила на ноги и, пытаясь не наступить на спящих, начала тихо пробираться к щели в стене, из которой слабо пробивалась тонкая полосочка света. Подойдя к двери, она нашарила ручку и тихонько потянула на себя. Втянула голову в плечи и инстинктивно сжалась. На удивление, дверь открылась совершенно беззвучно. Она выскользнула из дурно пахнущей комнаты на улицу, быстро закрыв за собой дверь. Сердце бешено колотилось, она вглядывалась в темноту. Который же час? И какое сегодня число? Господи, что же она натворила? Зачем она сюда приехала! Бежать! Быстрее!

Блондинка на цыпочках проследовала к каменной дорожке, которая вилась в метре от мазанки, из которой она выбралась. Чуть приподнялась на носочки и, вытянув шею, быстро огляделась. Между большими избами-мазанками стояли теплицы и баки для поливов, из которых, как будто связанные в один пучок гигантские змеи, торчали резиновые шланги. Девушка тихо пошла по каменной дорожке в надежде, что она выведет её к выходу. Паника нарастала. Блондинка так боялась закричать от ужаса, что на всякий случай закрыла рот ладонью.

Проходя мимо очередного скита, девушка вздрогнула от тихого шелеста в живой изгороди слева от себя. Нет, показалось, это ветер... В это время из вечнозелёного кустарника, словно тень, навстречу блондинке вышел высокий худощавый человек. Нижняя часть его лица была закрыта чёрной медицинской маской, а лоб и глаза скрывал капюшон куртки. Человек шикнул на девушку, приложив указательный палец к маске. Та решительно дёрнулась вперёд, а человек коротким профессиональным жестом взял её под локти и в то же мгновение затащил в кусты. Она даже не успела вскрикнуть.

— Тихо! Я сказал, тихо! — сурово приказал человек, глядя в обезумевшие от страха глаза блондинки и крепко держа её за локти.

Часть I. Новое время

Глава 1. «Человек адовый»

Петербург, 2018 год

— Про то, что отвергают вашу искренность... Ну что же... Я отвечу! Поймите такую вещь... Запишите это и после занятия периодически перечитывайте. Осознавать, что ваши близкие люди любят только лишь удобные и понятные им ваши стороны и качества, всегда больно. Быть понятым и принятым целиком — нормальное желание человека. Но всегда помните: если вас отвергают за вашу чистоту, искренность, дружелюбие, наивность, чуткость, то это не ваша история. Это история конкретного человека — вот этого самого вашего близкого, каким вы его считаете. Люди несовершенны. И границы мира каждого заканчиваются там, где заканчиваются границы его восприятия, его сознания.

Ольга сидела в кресле, которое стояло в центре небольшого уютного зала. На стенах висели спокойные пейзажи, благодарственные письма, свидетельства, грамоты, дипломы. На стеллажах, вперемешку с растениями в горшках, выстроились по росту книги: психология, религия, философия, эзотерика, история.

— Что, к примеру, на самом деле есть страх перед искренними, открытыми людьми, у которых очень свободный ум и расширенное сознание? Для которых мир не заканчивается за забором, который огораживает их дом. Вы задумывались об этом? Таких людей на Руси, например, называли блаженными... За страхом подойти близко к такому человеку стоит собственная боль — страх раскрыться и стать уязвимым перед другими.

Ольга обвела взглядом группу из семи человек, которые сидели вокруг неё на полу, выстеленном пушистым зелёным ковром. Четыре женщины и трое мужчин.

— История не нова. Матрица, в которой мы все живём, убеждает нас в том, что мир вокруг враждебен. И если вы станете излишне доверчивы, открыты, искренни, доброжелательны, как овечки на лугу, то вас непременно в ту же секунду сожрёт хищник. Людям становится не то что привычно жить в извечном страхе и тревоге, а даже, простите, комфортно! И, пребывая в привычном для себя состоянии годами, десятилетиями, они настолько свыкаются с этим, что все другие проявления становятся для них невыносимыми! Неправильными! Враждебными!

— А как можно донести до своих близких то, что мир открыт, дружелюбен и добр к нам? — вытянула вверх руку измождённая блондинка с грустным лицом.

— Только на собственном примере. Не бойтесь демонстрировать, что вы сами уже получаете щедрые блага от мира, потому что притягиваете всё к себе своим собственным состоянием. Мир зеркалит наше состояние. Тревожный человек получает ежечасно много поводов для поддержания своей тревоги. А радостный, благостный — ежесекундно получает подтверждение того, что его мир светлый, яркий, любвеобильный.

— Скажите, а что такое в вашем понимании Ад и Рай? Мы так привыкли, что нас пугают расплатой за наши мысли и поступки... Что это всё значит? — задумчиво спросил мужчина лет тридцати.

— Вопрос очень важный! Спасибо вам за него! Ад и Рай в наших головах. И прямо сейчас, а не после физического развоплощения. Что такое Рай? Это блаженство духа, это доверие к миру, это пребывание в радости... Когда вы пробудились, поняли, что вокруг вас матрица, созданная для контроля над вашим сознанием... Если вы в настоящем времени пребываете в хорошем расположении духа, то вы уже в Раю. Ад — это тот самый метафорический «котёл со смолой», в котором человек круглосуточно варится, кипит... Мучается, страдает... А от чего?

От того, что он недоволен, от того, что боится, от того, что не доверяет миру... От того, что каждую секунду ожидает удара извне.

Ольга легко встала с кресла и подошла к флипчарту, который стоял неподалёку. Она взяла красный маркер и нарисовала два столбца.

— «Человек адовый», давайте даже введём такой всеобъемлющий термин в наш дискурс... — Она подчеркнула это тремя линиями. — Это противовес «Человеку пробуждённому»... Да, так и запишите... — Ольга размашисто написала это во второй колонке.

— Скажите, а как понять, что я уже вне матрицы? Что она больше не управляет мной? Как это ощущается? — слово попросила всё та же блондинка с повернутым внутрь себя лицом.

— Тот факт, что вы сейчас здесь с нами, — одно из важнейших доказательств того, что матрица теряет контроль над вами. Поймите важнейшую вещь: матрице крайне важно сохранять контроль над вашими мыслями и держать вас в постоянном страхе! Только так вы управляемы! — Ольга внушительно подняла указательный палец вверх.

— Но мне всегда казалось, что это прерогатива государства... Контроль над умами и сознанием... — влез мужчина в очках и цветастом свитере. Всё занятие он заметно ёрзал на месте, будто пытался встать и уйти. Ольга улавливала его нервозность и в нужный момент переводила на него свой взгляд. После этого мужчина сразу же обмякал.

— Государство — один из мощнейших эгрегоров. Искусственно созданных! Любое государство — часть матрицы. Это плоть от плоти. Подробнее мы с вами ещё об этом поговорим на отдельном занятии! И я открою вам секрет! На этом занятии с нами будет очень мощный приглашённый лектор! Не раскрываю пока его имени! Я дополнительно сообщу всю информацию в нашей закрытой группе! К сожалению, отведённое на сегодня нам время истекло! Те, кто записался сегодня на индивидуальные консультации, пожалуйста, оставайтесь! Я всех приму согласно графика! Я очень рада была вас видеть! Давайте закончим занятие по нашей традиции!

Ольга вышла в центр зала. Участники группы образовали вокруг неё круг. Психолог легко взмахнула рукой.

— Я благодарен миру за то, что он позволил мне пробудиться в нужный день и в нужный час! Я счастлив и спокоен в кругу близких мне, пробуждённых людей! Я люблю и любим! Я источаю радость и знаю ответы на все вопросы! Я — есть любовь! — раздался в зале монотонный гул. Все повторяли хорошо выученные слова.

Олег сидел на кухне перед ноутбуком и лихорадочно щёлкал мышкой. Неслышно вошла жена, мимоходом взъерошила его волосы и поставила чайник на плиту.

— Что нового? — спросила Ольга, усаживаясь напротив за стол и закуривая длинную сигарету.

— В интернете новый бзик: миллионы женщин по всему миру начали рассказывать про сексуальное насилие, которому они подверглись, но ранее не заявляли о нём. Это после скандала с тем толстым голливудским режиссёром, помнишь... Вот #MeToo все соцсети заполонил... — Ковров покачал головой. — Как же людям тяжело, если головы ничем созидательным не заняты... Мы так нацию тоже потеряем. Глядя на то, как Голливуд сейчас трусы выворачивает наизнанку...

Ольга жестом попросила развернуть ноутбук к ней и начала внимательно вглядываться в экран, читая посты в соцсетях.

— А что наши женщины? Ты мне тут только американок показываешь... — пробубнила она.

— У нас пока не так много историй, но московская либеральная общественность уже, конечно же, призналась, где кого зажимали! В основном политические. Питерские фемки тоже подтянулись: уже были пикеты на Невском и их развозили по автозакам... — хохотнул муж.

— Всё, как всегда... Всё прогрессивное общество не может оставаться в стороне от западной моды. Главное ведь что? Главное, как «у них в Париже!»...

— Олег! Ты не понимаешь, куда я клоню? Мы сейчас можем этот чужой позор в свой подвиг обратить! — Ольга захлопнула крышку ноутбука и одним нажатием затушила сигарету в пепельнице. Она под села ближе к мужу. — Ты и я — психологи! Мы живём в Питере! Последнее полгода мы с тобой обсуждаем, с чем выходить в интернет и стоит ли вообще заводить видеоблоги? — Ольга постучала пальцем по столешнице и с полуулыбкой посмотрела на мужа.

— МиТу? И ты рассказываешь анонимные истории, призывая женщин приходить на сессии? — кивнул Олег.

— Ну, конечно, мой дорогой! — Жена вскочила и обняла его за шею. — Было бы странно, если бы МиТу разгонял мужчина, да? Но мы тебе сейчас тоже роль напишем в рамках данного тренда! Это наш шанс! Пока ещё никто не говорит об этом в России громко! А мы заговорим! — Она чмокнула Олега в нос.

— Ты — чёртов гений, Олька! — восхитился Ковров. — По большому счёту под эту тему можно вообще всю семейную психологию подтянуть: и отношения, и одиночество, и детские травмы... И юзать их так усердно, что даже самые здоровые и стойкие с ума сойдут! Bravo!

— Молодец, что обратил на эту тему внимание! — сказала жена.

— Ты знаешь, милая, — задумчиво сказал Ковров, усаживая Ольгу к себе на колени, — я предвижу такую тенденцию: психологическое состояние людей в ближайшее время будет всё больше и больше усугубляться. Политический психоз — вот что. Агония. Запах крови. Предчувствие большой войны... И в то же время отчаянное желание по-прежнему ровняться на Белого господина. Желание перестать быть туземцами! Стать более чувствительными и тонкими натурами! Как «на Западе»... А не как ваньки, лыком шитые... Нужны переживания, нерв. Это слепое подражание и вымученный поиск собственной идентичности ломают психику и судьбы тысяч людей... — он покачал головой.

— Я согласна с тобой. Революционный психоз и патологический дискурс... — кивнула жена.

— Ты права в том, что сейчас самое оптимальное время для рывка, Оленька. Иначе мы так и будем жить на доходы от двух групп в неделю... Мы очень просели в финансах.

— Мы всё придумаем! Мы же вместе! — Коврова обняла мужа, и они, замолчав, вместе усталились в окно. Мартовская слякоть таяла под ногами прохожих, но на асфальт тут же нежной кофейной пенкой ложился свежий снежок.

Через две недели новоиспечённые психологи-блогеры Олег и Ольга Ковровы набрали в соцсетях несколько тысяч подписчиков и забили рабочее расписание на три месяца вперёд. Пользователи, ошалев от такого напора и искренности из ниоткуда появившихся психологов, которые, как выяснилось, знали ответы на все жизненные вопросы, спешили поделиться со специалистами своими душевными переживаниями и получить советы. Платить за это они были готовы щедро.

Мужчины не понимали женщин. Женщины не понимали мужчин. Все вместе они не понимали своих родителей, детей, друзей, коллег, начальство, любовников, любовниц и как жить в целом, хотя официально называли себя взрослыми людьми, имели по несколько высших образований, ипотечные кредиты, детей, карьеру, хобби.

2019 год

Страна вступала в эпоху «патологической психологизации». В социальные сети одновременно высыпались как горох из дырявого мешка «специалисты помогающих профессий», которые быстро объяснили русским людям, что все они живут неправильно. Неправильно думают, оценивают, трактуют, любят, принимают любовь, ставят цели, заботятся о своём внутреннем ребёнке, посылают запросы на изменение, проявляют себя в социуме, верят в бога,

бегают марафоны, выводят глистов, читают книги и выбирают картошку на рынке. Все эти действия были не только неправильными, но и несли за собой глубокий патологический психологический подтекст. Как правильно, знали только они — психологи, коучи, энерготерапевты, космоэнергетики и аналитики. Правильно и остро модно было найти своего аналитика и посещать его трижды в неделю. Разумеется, все выше найденные проблемы не решались — это было невыгодно специалистам, зато они долго обсуждались на бесконечных терапевтических сессиях. Чем глубже клиент застревал в себе, в анализе своих ощущений, в воспоминаниях, страхах, извращённых желаниях, тем больше он боялся, увязал в терапии и, соответственно, больше платил. Реальность постепенно замещалась её психоаналитической версией. Но люди были рады в ней утопать, потому что та версия, которую транслировало телевидение, причиняла им ещё больше боли. В 2018 году разверзлась зияющая «чёрная дыра», которая в ближайшие десять лет проглотит, прожует и выплюнет обратно сотни тысяч искалеченных «пациентов», признанных безнадежными. Но это тяжелое похмелье наступит ещё нескоро, пока же важно было найти способ отключаться от серой, изматывающей реальности, в которой по всему миру гремели войны, дорожали продукты, от неизвестных болезней умирали люди, а политики били морды друг другу в прямых эфирах.

Больше всего психолог Ольга Коврова удивлялась тому, как легко на самом деле можно было вешать совершенно антинаучную лапшу на уши доверчивых женщин, жаждущих «познать себя и мир».

— Люди слабые. Они жаждут знаний, но в то же время очень боятся их. И чем проще будут твои ответы на их вопросы, тем больше они привяжутся к тебе. Они хотят получить от тебя новый символ веры. Пока это называется самопознание или терапия, — говорил Олег жене, когда та рассказывала ему дома про очередных клиентов.

— Они хотят верить во что-то. Жить без веры плохо... Даже не то чтобы плохо, а как-то шатко... — кивнула Ольга. — Но в то же время почему людям не хватает традиционной веры, Олег? Как ты думаешь? Ведь есть же официальные религии — выбирай на свой вкус и цвет.

— Все эти религии как будто для элиты. Ты никогда не задумывалась? Для тех, кто носит исключительно белое пальто. Главный месседж ведь таков: веди себя благородно, достойно — и бог будет тебя любить. А если ты отходишь от человеческой морали или от заповедей божьих, то карающая рука тебя настигнет. Но ведь не все могут позволить себе носить белое пальто и быть всегда высокоморальными. Разные у людей бывают обстоятельства! А верить-то хочется в лучшее. Ты слышала о таком культе — он распространён в Латинской Америке, Санта Муэртэ? Культ Святой Смерти.

— Что-то слышала. Или скорее видела, — кивнула жена. — Это где скелет, наряженный в красивые женские наряды? А в чём там мораль?

— А мораль там в отсутствии морали. Это маргинальный культ, латиноамериканское барокко, если угодно. Святой Смерти поклоняются наркокартели, проститутки, беднота, бродяги, калеки, лудоманы. Потому что перед Смертью все равны. Потому что Смерть рано или поздно придёт за всеми. В белом ты пальто был при жизни или нет. И если вопрос существования бога, карающего или помогающего, в принципе под вопросом, то насчёт существования Смерти сомнений нет ни у кого. Смерть можно задобрить или разозлить, но она незримо присутствует каждый день рядом с тобой. И ей плевать на твои поступки с точки зрения морали.

— Приведи пример из нашей жизни? — попросила Ольга.

— Есть проститутка Глаша, которая плотно сидит на героине. Она родила и бросила ребёнка в роддоме, потому что ей не на что его содержать. К кому пойдёт проститутка Глаша облегчить душу, если у неё будет выбор? В официальную церковь, где на неё могут наложить епитимью за такой грех и ещё отчитают прилюдно, розгами высекут; или она пойдёт в подпольную церковь Санта Муэртэ, где принимают всех и не осуждают?

— Понятно, что в подпольную!

— А к какому психологу пойдёт проститутка и героинщица Глаша, если церковь ей не поможет, или она просто туда никогда не ходила? К психологу, который будет по науке ей всё объяснять и предложит поработать над собой, дабы осознать всю глубину проступка и, может, исправить ситуацию? Или к психологу, который пообещает ей быстрый результат и оправдает её поступок, указывая на то, что есть некие третьи силы, обстоятельства или люди, из-за которых Глаша скололась и страхалась за деньги? — рассмеялся Олег.

— Олег! Это омерзительно! — поморщилась жена. — И гениально!

— А теперь представь, что таких Маш, Петь, Ген, Глаш, Наташ в социальных сетях сидят миллионы! И все они хотят одобрения! Которого никогда и нигде раньше не получали! Они не нуждаются в терапии. Терапия для умных людей, которые хотят расти. Они же не хотят расти, они хотят, чтобы их перестали осуждать!

— Да! Потому что их осуждали всю жизнь. Начиная с детского сада... Они не так думают, не так говорят, не так одеваются, не так отвечают...

— Не то выбирают! — поддакнул Ковров. — Ты в правильную сторону думаешь, Олюшка! Вот ещё подумай! — он поцеловал жену в макушку и вышел из кухни.

Регина сидела за туалетным столиком и выбирала украшения под зелёное муслиновое платье. Сегодня у неё была запланирована важная съёмка с модным в городе психологом Ольгой Ковровой. Два года Регина вела видеоблог и приглашала на интервью интересных, неоднозначных гостей. За это время её популярность выросла, что благотворно отразилось на доходах. Однако по мере того как шла в гору её карьера, заметно снижалась рабочая мотивация у её мужа Юры. Последние полгода он не работал, но официально находился «в активном поиске». Регину это очень сильно раздражало. Ей не жалко было поделиться с ним деньгами на бензин или снова оплатить корзину с продуктами в супермаркете, нет. Регину пугало то, что Юра буквально начинал деградировать. Он редко мылся, всё чаще прикладывался к пиву, не слишком любил выходить на улицу, постоянно играл в компьютерные игры или смотрел смешные видео на телефоне. Супруги почти перестали разговаривать.

— Просто удивительно, почему так произошло? Юрка ведь отличный кинооператор! Он снимал хорошие картины вместе с известными режиссёрами! — жаловалась Регина своей подруге Алине Тарасовой. — Я думала, что мы вместе вырастем в яркую, творческую семью! Занялась блогингом, мы вместе даже сделали несколько проектов. А потом его как будто бы подкосила неведомая болезнь! И в итоге я работаю день и ночь, а он просто дома лежит и ждёт, пока ему птичка в клювик червячка положит...

Пикнул телефон Юры, лежавший на тумбочке. Муж спал. Регина не выдержала и тихонько подошла посмотреть на уведомление. Пришло сообщение от Жанны... Опять?! Регина схватила телефон мужа и несколько раз ударила им по подушке, на которой спал Юра.

— Просыпайся немедленно! Что это опять такое? Ты мне сказал, что развязался с этой дрянью полгода назад! Почему она опять тебе пишет и шлёт сердечки! Открой немедленно сообщение! — орала Регина, колотя кулаком по постели.

Юра просонья не понимал, что от него хочет жена и почему она так оглушительно орёт. Взял у неё телефон из рук и увидел сообщение от Жанны. Жанна... Актриса с «Ленфильма». Роковая женщина, с которой он закрутил роман три года назад и чуть не развёлся из-за этого с Региной. Жена потом всё узнала — ей настучала художница по костюмам Надька Потапова, которая помогала жене с её проектом. Был грандиозный скандал, в котором участвовали даже родители с обеих сторон. Юрины родители умоляли сына не совершать ошибку и не разводиться «с приличной женой». Регинины, напротив, желали скорее избавиться от такого порочного зятя, который опозорил на весь город их дочь. Родители Регины были высокопоставленными чиновниками и старались избегать скандалов и конфликтов. В общем, Регина простила

Юру, а тот поговорил с Жанной, и они действительно прекратили отношения полгода назад. Но в прошлом месяце у Юры был день рождения, и Жанна прислала ему сообщение... Всё завертелось снова... Но пока только по переписке. Встречаться с ней Юра не хотел, потому что понимал, чем всё кончится. «Возможно, мы сможем просто дружить?» — легкомысленно подумал он. И Жанна тут же подтвердила, что это отличная идея, прислав ему очень откровенное селфи. Как известно, все друзья только такие друг другу и высылают. Так общение между бывшими любовниками возобновилось. Хотя есть ли такой статус: «бывшие любовники»? Бывают ли любовники бывшими?

— Какого чёрта, я спрашиваю тебя, эта шлюха тебе снова пишет, Юра? — продолжала бушевать Регина, страшно сотрясая пространство комнаты.

— Какого чёрта ты вообще открываешь мои уведомления? — попытался возразить Юра. — Мой телефон — это моя личная территория!

— Твоя личная территория потеряла всякие границы! Пока я работаю день и ночь, зарабатывая нам на жизнь, ты бездельничаешь и снова пялишь киношных шлюх! Какая личная территория! Если я захочу, то я тебе в задницу за этим телефоном залезу, ясно? — Регина ткнула пальцем в аппарат. — Звони сейчас же при мне и говори ей, что ваше общение закончено! Включи на громкую связь!

— Иди-ка ты! С такими ультиматумами, дорогая! — Юра подскочил с кровати и, не выпуская телефон из рук, выскочил из спальни.

— Значит, в таком случае собирай свою шмотину и проваливай сегодня же! Я тебя в своей квартире больше как морскую свинку содержать не собираюсь! Всё, моё терпение лопнуло! Мы разводимся! — завизжала Регина.

— Петя, Петя, Петушок... Что же ты так кричишь, дружок? Неужели так тебе больно? — по коридору хосписа шаркающей походкой шла женщина лет семидесяти.

Из десятой палаты слышался истошный вопль пациента. Петя, двадцать лет, четвёртая стадия рака мозга. Ему оставалось несколько дней агонии, а потом его тело заберут родственники и похоронят на Смоленском кладбище. «Там уже всё приготовлено», — так сказала мать Пети.

Мария подошла к парню, который извивался на кровати в полутёмной одиночной палате. Подушка и матрас были запачканы рвотой, в муках Петя раздирал на себе пижамную рубашку и пытался пробить головой изголовье кровати. Кричал страшно, истошно. Из левой его руки тянулась прозрачная трубочка, которая обвивала металлическую стойку, державшую в плену большой стеклянный пузырь. Кап-кап-кап... из пузырька в вену Пети лилось лекарство, которое ему больше не помогало. Старуха подошла к Пете и заглянула в его лицо. Глаза были закрыты, под тонкими голубоватыми веками хаотично бегали зрачки. На губах засохли ошметки пены. Лысая голова Пети была в свежих ссадинах, а рядом на подушке валялась сбитая в агонии трикотажная белая шапочка.

— Петя, Петя, Петушок... — сказала старуха и достала из кармана серого халата большой шприц.

Она воткнула иглу в трубку, ведущую к вене парня, и нажала на поршень до упора. Шприц убрала в карман и, сложив руки на груди, замерла, наблюдая за Петей. Через минуту он замер, как будто уснул. На Смоленском кладбище всё было готово.

Мария вышла из палаты и, громко шаркая, отправилась в сестринскую. Там она заварила чёрный чай и закурила «беломорину», прислонившись к подоконнику. Раскрыла окно и с хрипом выпустила из лёгких в холодный ночной воздух струю вонючего дыма.

В хосписе Мария работала последние пять лет. Каждый день здесь умирали люди. Молодые и пожилые, мужчины и женщины, богатые и бедные, весёлые и грустные, умные и глупые,

красивые и не очень, верующие и атеисты. Перед смертью были равны все. Мария давно не боялась смерти и уж подавно не боялась умирающих. Она была помощницей Смерти.

После группы, которую вёл Олег Ковров, к нему подошёл Борис, мужчина лет сорока. Он ходил на группу после того, как медикаментозно «закодировался» от алкоголя. Борис Пермяков был классическим «потомком заслуженного», таких в Петербурге великое множество. Дед Бориса — Никита Константинович Пермяков — был известным в советские годы писателем, лауреатом всех возможных премий. Писал предок про советского человека, его подвиг и мораль. Его книги были во всех библиотеках страны, а в магазинах их выдавали «в нагрузку» к дефицитной художественной литературе вроде «Унесённых ветром» или «Трёх мушкетёров». Заслуги Никиты Константиновича перед Отечеством были конвертированы в пятикомнатную квартиру на Васильевском острове, окна которой выходили на сад. Квартира эта вместе с дедовским алкоголизмом впоследствии досталась в наследство внуку Борису. Однако года два назад потомок заслуженного перестал получать привычное удовольствие от запоев и решил завязать. Не пить Борису было легко. Трудно было занять чем-то то время, в которое раньше выпивал. Так Борис Пермяков ударился в изучение устройства вселенной и себя самого. Последние несколько дней он активно размышлял над тем, могут ли некие силы изъять у человека душу и подменить её другой.

— Скажите, Ковров! Что вы думаете по поводу подмены человеческой души? — светски спросил Борис, чиркая спичкой и прикуривая у входа. Там же курил Олег.

— Интересный вопрос! — кивнул психолог, с удовольствием выпуская колечко дыма. — А в каком контексте он вас занимает? Вы чувствуете, что с вами что-то неладное, или это просто философское исследование?

— Нет, со мной всё в порядке. Беспокоит одна моя знакомая. Признаюсь честно, подумывал даже сделать ей предложение. Она устраивала меня в быту, да и по статусу мы ровня, — важно начал объяснять Пермяков.

— Очень интересно! — живо ввязался в беседу Ковров. — А кто же она?

— Племянница архитектора Романова. — Борис многозначительно поднял левую бровь вверх.

— О, того самого! Да, прекрасная партия! — согласился психолог. — Так что же племянница?

— Какое-то время мы проводили вместе. Она прекрасно готовит, а иногда ещё и помогала мне с уборкой квартиры. Понимаете, у меня пятикомнатная. Но средств на горничных сейчас нет. Я пользуюсь только двумя комнатами, три стоят запёртыми. Но и в этих двух довольно быстро скапливается пыль. Понимаете сами, окна на Большой проспект и сад! Такой трафик!

— Да-да! Понимаю!

— В общем, Тамара мне помогала и часто готовила для меня еду. Я прогуливался с ней в Василеостровском саду. Иногда, когда она просила, помогал ей на даче в Комарово. И у нас была, на мой взгляд, идиллия. Мы чудесно совпали темпераментами. Я полагал, что нам пора жениться. Предлагал Тамаре жить, конечно же, у меня и подумать про детей. Мы ещё довольно молоды. — Пермяков горько усмехнулся. — Однако недавно она позвонила мне утром и сообщила просто... какую-то нелепицу...

— Что же такое она сообщила? — воскликнул Ковров.

— Что она покидает Петербург и хочет отправиться жить в Испанию! Она сказала, что ей приснились её предки — пираты. И они позвали её на родину. Сказала, что она в душе — пират... — Борис закурил ещё одну сигарету. — Ковров! Вы понимаете, до этого момента Тамара в воды залива заходила не глубже чем по колено! А озёр, например, она вообще всегда боялась, потому что там непрозрачная вода! А тут — пират! Испания! Взять на бордаж! — казалось, что Пермяков вот-вот впадёт в истерику.

— И что же, она действительно уехала в Испанию? — обомлел Ковров. Он был впечатлён внезапным финалом истории.

— Да! Я приходил к ней домой. Соседи сказали, что она действительно отбыла с чемоданом... Уж лучше бы она просто передумала дальше со мной встречаться...

— Ну что вы, Борис! Отпустите женщину! Вероятно, там она обретёт своё счастье! Иногда жизнь делает непредсказуемый поворот, и вот вы уже едете в вагоне поезда, но в противоположную от первоначальной цели сторону! В этом прелесть нашей жизни! В сюрпризах, в спонтанности, в авантюрах! Почему вы решили, что ей подменили душу? — вернулся Олег к первоначальной теме беседы.

— Потому что Тамара — не пират! Она — обычная женщина. Очень спокойная, романтическая, доверчивая, рассудительная, хозяйственная! Она не может, находясь в здравом уме, якобы скучать по захвату и грабежам кораблей в Средиземном море! И тем паче, какие такие родственники-пираты? Её родственники — интеллигенция, цвет Петербурга! В пяти поколениях!

— А какая ваша версия, Борис? — покачал головой Ковров. Пермяков уже начал ему надоедать.

— Я ишу ответы! Потому что люди просто так за одну ночь настолько кардинально не меняются!

Пермяков откланялся и удалился. А Ковров прикурил ещё одну сигарету и смотрел ему вслед слегка замутнённым взглядом.

«Ты хотела когда-нибудь стать пиратом?»

«Я и сейчас хочу! Сейчас зайду на интервью, возьму всех на бордаж, потом продам в бордель возле порта!»

«Хорошего интервью! Целую!»

Ольга Коврова вошла в студию, где её ждала известная в городе блогер Регина Панченко. Договариваясь с психологом об интервью неделю назад, Регина просила Ольгу посвятить программу отношениям между мужчинами и женщинами.

— Тема очень перспективная и очень болезненная! Сейчас так мало об этом говорят с точки зрения современной психологии и коучинга! Мир изменился! Давайте будем в числе первых, Ольга Борисовна! — предложила Панченко.

Пройдя в гримёрную, Ольга увидела там Регину, которая пыталась припудрить покрасневшие уголки глаз и слегка всхлипывала.

— Регина! Что случилось? — Ольга участливо нагнулась к девушке и посмотрела на её отражение в зеркале гримёрного стола.

— Здравствуйте, Ольга Борисовна... — Регина помахала на себя ладонями с растопыренными пальцами и подула на глаза, чтобы они окончательно высохли. — Мужа выгнала сегодня. Навсегда!

Ольга расположилась в кресле напротив.

— Что он сделал? — лениво спросила она. Не было совершенно никакого настроения копаться бесплатно в чужих проблемах именно сейчас. Утром кое-как настроившись на съёмку, она проехала полгорода к Панченко, а теперь тут концерт самой блогерши. Настроение Ковровой падало.

— Он мне изменяет несколько лет. С актрисой. Муж — кинооператор. Работал на «Ленфильме», — всхлинула Регина. — Полгода назад обещал порвать с ней, а сегодня я увидела, что они снова общаются...

Ольга резко встала, хлопнув себя ладонями по коленям.

— Так! Идём в студию! Сейчас мы разнесём всех изменщиков и их жён-терпил! Прекрати рыдать! Готова снять самое скандальное интервью в своей жизни? — с вызовом спросила Коврова блогершу.

Та смотрела на психолога во все глаза и кивала. В студии загорелся свет. Ольгу и Регину обступили с разных сторон: повесили микрофончики, припудрили носы и поправили причёски. Режиссёр, посмотрев в монитор, удовлетворённо кивнул и показал большой палец куда-то за камеры. Картинка ему нравилась. Ольга — высокая длинноволосая блондинка аристократической внешности и Регина — антипод, жгучая, коротко стриженная брюнетка. Тандем получился очень контрастным!

— Мотор! — объявил режиссёр.

— Мужчины с Марса, а женщины — с Венеры! Такую теорию выдвинул американский писатель Джон Грэй! Однако в наше время всё больше кажется, что мы не просто с разных планет, а буквально из разных галактик! Всем здравствуйте! Меня зовут Регина Панченко, и это мой подкаст «Откровенный разговор»! Сегодня у меня в гостях самый известный, пожалуй, на сегодняшний день в Петербурге психолог, эксперт по отношениям, личностному росту Ольга Борисовна Коврова! В нашей студии обсудим основные причины, по которым сейчас распадаются пары, поговорим, почему в семье наступают кризисы и как мужчинам и женщинам необходимо работать над собой, чтобы сохранить счастливые отношения и не потерять в них себя! Ольга Борисовна, добрый день! — Регина наконец выдохнула и приветливо протянула раскрытые ладони к Ольге.

— Всем добрый день! — кивнула Коврова.

Запись интервью длилась более трёх часов. Ольга, отвечая на вопросы Регины, давила на самую болезную мозоль: женщины переборщили с самопожертвованием. Всё, что обычно делает среднестатистическая женщина для семьи, её убивает и развращает мужа, говорила она. Женщине надоело терпеть, и она теперь может начать не зависеть от мужчины. От этого рушатся браки. Браки, которые держались на нужде женщин и на осколках патриархального мышления.

— Всё это уже безнадёжно устарело. Раньше женщина не выжила бы в одиночку без мужчины, без мужа. Женщины были сильно поражены в правах. Это, конечно, было сделано намеренно: женщин поработили, чтобы они не поднимали голову и даже не мыслили о том, что они могут что-то сами... — горячо говорила психолог.

— Скажите, а что сегодня должна хотеть нормальная, современная женщина? Куда она должна стремиться?

— Она должна стремиться, безусловно, к свободе! Женщина должна очень чётко осознавать и обозначать свои границы! Только так она может стать счастливой! Большинство мужчин обращаются со своими женщинами неуважительно, а те даже не осознают этого! Это надо осознать! Я приглашаю к себе на консультации, если у вас проблемы с самоидентификацией и расстановкой личных границ!

— Ольга, а правда ли, что женщинам мужчины нужны больше, чем мужчинам женщины? На этом ведь спекулируют большинство мужчин, — уточнила Панченко.

— Регина, подводи к концу, вы уже очень много говорите! — сказал ей в «ухо» режиссёр.

— Это всё чушь! Женщина может свободно обходиться без мужчин! — отрезала Ольга, и первая камера взяла её крупно. — У нас сейчас есть всё: от права избирать президента до собственных больших денег! И даже зачать ребёнка мы можем без прямого участия мужчин!

Глава 2. Непохороненные

Герман сбежал на первый этаж в гостиную, где отец играл на фортепиано.

— Смотри! Узнаёшь? — Герман ликующе сунул под нос Алексею Германовичу планшет. Блогер Регина Панченко брала интервью у известного в городе психолога Ольги Ковровой.

— Узнаю! — бодро согласился отец и выдал две нижних ноты. — Это Оля! Твоя первая и, к сожалению, единственная любовь! И она теперь... — Алексей Германович пригляделся к титру, — психолог! Вот так вот! — он снова выдал верхние ноты и добавил трагизма.

— Да и она теперь Коврова! — уточнил сын.

— Девушка вышла замуж! Видишь, как всё удачно сложилось, а ты переживаешь до сих пор! — отец закрыл крышкой клавиши и резко крутанулся на кресле лицом к сыну, который нарезал круги по огромной гостиной.

В дорого обставленном трёхэтажном доме в Озерках отец и сын Наумовы жили вдвоём. По вторникам и субботам к ним приходила домработница Лидия Николаевна. Всё остальное время Наумовы были предоставлены сами себе.

С Олей Ковровой, в девичестве Самойловой, Герман учился в школе. Тогда их семьи жили ещё в Адмиралтейском районе. Наумов-старший в девяностые работал советником в Смольном, занимался вопросами выборов и пиаром первых лиц Петербурга. В семью потекли первые значительные деньги, и вскоре Алексей Германович начал строительство дома в Озерках. В двухтысячном умерла от рака лёгких его жена, мать Германа Елизавета Петровна — «Государыня», как её называли домашние. Больше Наумов-старший дел с женщинами не имел, был однолюбом. Портрет Елизаветы Петровны в полный рост висел в той самой гостиной, где Герман вспоминал свою историю школьной любви.

Подружившись ещё в восьмом классе, Герман и Оля были неразлучны вплоть до выпускного. Но в университеты они поступили разные: Оля — в СПбГУ на психфак, Герман — в Техноложку. Встречи их стали реже, но насыщеннее по содержанию. На втором курсе Оля поняла, что беременна. Герман обрадовался и предложил немедленно жениться. Однако в процесс вмешался Алексей Германович. Он не был уверен, что Оля беременна именно от его сына — чутьё, которое никогда его не подводило, подсказывало: что-то здесь не так. В итоге отец уговорил их не сохранять беременность и «пока не спешить с браком». Оля всё поняла. Растить ребёнка в одиночку она бы не смогла.

Через пять лет Оля, уже будучи Ковровой, узнает, что больше не может иметь детей из-за неудачно проведённой операции. Муж, которого она встретила на студенческой конференции, об аборте не знал — официальной версией бесплодия стала случайно выявленная врождённая патология.

После того как Наумовы фактически заставили Олю избавиться от ребёнка, она прекратила всякое общение с Германом, хотя любила его ещё года два. А Герман, после романа с Олей так и не женился, и детьми не обзавёлся. Он встречал симпатичных девушек, и несколько вполне соответствовали на роль жены, но сердце, что называется, «не ёкало». Отец говорил, что ёкающее сердце — предвестник раннего инфаркта и выбирать жену надо головой. Но Герман его не слышал. С годами чувство вины перед Олей стало колоссальным и даже отчасти передалось Наумову-старшему.

— Это меня и тебя Бог наказывает за то, что избавились тогда от нашего с Олей ребёнка. Не будет у нашего рода потомков, — говорил Герман отцу, а тот на сына очень злился.

Как жила Оля потом, Герман не знал. Она оборвала все связи, а вскоре Наумовы переехали в Озерки. Герман закончил университет и при помощи стартового капитала, который подарил отец, открыл компанию по разработке системного обеспечения, программ и нанотехнологий. Дела шли хорошо, недостатка в деньгах не было.

Алексею Германовичу было скучно. Он больше не был демиургом Смольного — власть сменилась несколько раз, и каждый новый дворник приходил со своей метлой. Молодую поросль пиарщиков Наумов презирал, считал их профнепригодными и к тому же хапугами.

— Отрицательная селекция. Что среди назначаемых чиновников, что среди политтехнологов и пиарщиков. Все живут только в административных рамках. Никакого креатива, никакого риска или драйва! Все одинаковые и с одинаковыми постными мордами! И только знают, что бюджет пилить! Тьфу! — возмущался Наумов, выпивая вино под шашлык со своими друзьями — такими же отравленными на почётную пенсию демиургами.

Друзья его поддерживали, но скорее для порядка. Им уже ничего не хотелось. Денег, будучи обласканными властями на высоких должностях, они заработали на две жизни вперёд. У всех были семьи, дети, внуки, отпуск пять раз в год, дружеские посиделки с мангалом и хорошие коллекции вин. Не сиделось на месте только Наумову.

— Давайте какой-нибудь проект придумаем, ну что мы сидим как пни трухлявые? — тормозил он их во время очередного застолья на своей веранде в Озерках. — Может, медиа новое создадим? Или консалтинговую контору?

— Лёша! Какое медиа? Все сидят в мессенджерах и соцсетях! Традиционные газеты уже сдохли, интернет-сайты никто не читает! Консалтинг у нас знамо дело какой! И кто там подряды распределяет... — профессор Щербаков, некогда руководивший кафедрой журналистики и пиара в одном из крупнейших вузов города, поднял палец к небу.

— Алексей Германович, так ты книгописанием вроде занимался! — встрял Николай Николаевич, ещё один бывший специалист по решению деликатных проблем.

— Да! Уже пять книг издал! Мемуары, путешествия по миру, исторические романы! Но это всё не то, Коля! Нужен драйв, нерв, суета, люди вокруг! Неужели вам так нравится просто сидеть на жопах и смотреть из окон особняков на цветочки? — кипятился Наумов.

— А что Герка тебя не пристроит к себе? Будешь ему советовать! — предложил Щербаков.

— Я ему не советчик в его делах! Герка — голова, технарь. Я — гуманитарий! — деловито отмахнулся Алексей Германович.

— Ну тогда, Лёша, наливай! Не знаем мы чем тебя ещё развлечь, дорогой ты наш! — Щербаков пододвинул к другу винный бокал и усмехнулся.

— Да ну вас, черти! Поеду в Грецию на месяцок развеюсь... — пробормотал Наумов. — Замёрз я уже тут с вами, надо погреться!

В день, когда Герка показал ему свою старую любовь, Наумов снова обдумывал новый коммерческий план. Он хотел вложить деньги в разработку технологии, которая используется в морском деле. А тут сын со своей этой Олей...

— Только посмотри на неё! Она очень несчастна! — Герка снова потряс планшетом, где в кадре застыла яростно жестикулирующая Ольга. — Она никогда не была такой! Сейчас озлобленная на весь мир, на мужчин! У неё явные нелады в семье! Только послушай, что она говорит!... — он нажал на экран, и Ольга ожила.

— Современные мужчины, выбирая себе в жёны ярких и успешных красавиц, в итоге всё равно их поработают и начинают гнобить! Ведь на бессознательном уровне они выбирали себе молодых матерей! Женщин, которые будут заботиться только о них, а не развиваться сами! А за что продаются женщины? За статус! За штамп в паспорте, который должен показать её подружкам и её родителям, что она «не хуже всех прочих», если её тоже взяли замуж... — громко вещала Коврова.

Наумов-старший в ужасе зажал уши и приказал сыну:

— Выключи немедленно этот ужас и никогда мне больше её не показывай!

— В древние времена люди верили, что наша земля плоская, стоит на трёх слонах и одной черепахе. Но мир менялся. В него приходили новые люди, которые несли за собой откровение и прогресс. Наука — это тоже откровение Божие...

Олег Ковров стоял посреди большого зала и, раскинув руки, обращался к небольшой группе людей, рассевшихся перед ним на стульчиках. Зрительские ряды были жиденькими — пришло всего двадцать человек. Сегодня он обкатывал новую программу, и важно было не сорвать аплодисменты, а просто не опозориться.

В этот холодный и дождливый питерский вечер собравшиеся впервые услышали о новом порядке мироустройства, который Олег, не без помощи жены конечно, придумал за четыре дня, не выходя из собственной кухни. Перед ним сидели томные тётушки в вязаных кофтах, мужчины пенсионного возраста и уже уставшая от жизни молодёжь. Встреча была бесплатной. Если бы публика освистала Коврова, то хотя бы не учинила потом скандал из-за оплаченных билетов. Олег очень внимательно следил за реакцией собравшихся, готовый в любую минуту перевернуть всё так, будто эту эзотерическую теорию придумал душевнобольной и рассказал ему.

Но с залом происходило что-то странное. Люди очень внимательно слушали лектора, кто-то записывал и, многозначительно поджимая губы, молча соглашался. На лицах была написана решимость — верить!

— Сейчас многие из вас могут скептически отреагировать на мои слова. Я не сержусь! Просто знаю, что однажды придёт время, которое всё расставит по своим местам. Как однажды пришли люди и доказали, что земля имеет форму шара, а никаких слонов и черепах в космосе нет! Придут люди, которые докажут и то, что наш мир не один, и то, что мы можем жить одновременно в нескольких измерениях. Сейчас уходит эпоха 2D и наступает эпоха 5D. Но не для всех! В пятое измерение войдут только самые чистые души. Осознанные, пробуждённые, просветлённые. Остальные будут барахтаться в третьем измерении — оно не слишком отличается от уходящего второго и так же наполнено страданиями. Вибрации планеты усилились, мои дорогие друзья! А что это значит? — он обвёл зал горящим взглядом. — Усиление вибраций влечёт за собой тотальную зачистку тех, кто не успевает за изменениями. Вы сами видите, как вымирает население планеты. Как внезапно умирают ваши близкие и знакомые, которым, казалось бы, ещё жить и жить. Земля избавляется от тёмных, тяжёлых энергий и от ослабленных людей, которые не могут осилить этот важнейший переход!

При упоминании внезапных и массовых смертей зал оживился. Люди начали заметно ёрзать на стульях. Ковров понял, что попал точно в цель.

— Для того чтобы стать легче, нужно избавиться от тревоги. Тревогу приносят старые и болезненные сценарии. Какие это сценарии? Например, страх остаться без работы и умереть с голоду. Это базовый, животный страх, который рождает наш рептильный мозг. Без него бы мы не выжили. Именно этот страх заставляет нас каждый день тревожиться о куске хлеба насущном; о том, где ваши дети, ведь они — продолжение рода; о том, не опасно ли идти поздно вечером проходной аркой, ведь там могут быть преступники... Это всё базовые страхи. Ничего не боятся только дебилы, олигофрены. Простите! Это просто медицинский факт, а не оскорбление... Однако я хочу сказать про другое.

Он методично вышагивал между рядами и ненавязчиво заглядывал в лица публики. Его слушали очень внимательно.

— Есть страхи и навязанные. Но уже не рептильным мозгом, а коллективным бессознательным или вашими близкими. А вы, соглашаясь на игру «бояться за компанию», начинаете жить по чужим правилам и сценариям...

Олег выступал более двух часов и в конце сорвал шквал аплодисментов. В финале он пообещал продолжать просветительские лекции, однако в одиночку не потянет аренду зала, поэтому будет вынужден продавать билеты по скромным ценам. «Лишь бы только перекрыть

аренду. Сами понимаете, сколько стоит час в центре!» Публика понимающе кивала. Заплатить пятьсот или даже тысячу рублей за билет в мир высоких вибраций было не жалко.

После того как зрители покинули зал, Ковров подписал договор с арендодателями ещё на три встречи в декабре. До наступления нового 2020 года он планировал усовершенствовать свою теорию. Публика требовала новых деталей и подробностей. А перед Новым годом всем хочется чудес особенно сильно.

Промучавшись две недели, Герман Наумов решил всё же написать Ольге. Он понимал, что скатываться до «привет, как дела?» унизительно для них обоих. Он мучительно раздумывал, как лучше объявиться и что предложить, чтобы вызвать её интерес.

Наумов-младший был уверен, что у Ольги не сложилась семейная жизнь. Он был готов жениться на ней хоть сегодня. Немного затянувшаяся за пятнадцать лет сердечная рана снова начала кровоточить.

«Теперь всё иначе», — рассуждал Герман, мысленно ведя диалог сам с собой. — У меня много денег, я свободен. Скорее всего Ольга замужем в силу каких-то обстоятельств. Может, ей просто некуда пойти, если она разведётся с мужем? Кстати, кто её муж — неизвестно. Но явно ничего хорошего он для неё не делает, если Оля стала такой. Она сама на себя не похожа. И то, что она говорит на камеру, ни одна счастливая женщина в своём уме не повторит. Однозначно, Оля просто озлобилась на жизнь, на мужа... Но я могу ей помочь. Я заберу её и дам всё, что она хочет! Могу даже для неё центр открыть психологический — пусть занимается наукой или чем там она хочет! Лишь бы снова была счастливой, как раньше.»

— Что вас привело ко мне, милая Регина? — улыбаясь спросил Ковров, усаживаясь в кресло напротив Панченко. Жена предупредила его, что «случай сложный».

— Олег Романович, я думаю, что только вы можете мне помочь... — Регина сидела, зажав плечи и грудь руками. Она была очень расстроена.

Ковров поставил чайные чашки на столик между ними, тут же положил большую коробку с бумажными салфетками, устроился в кресле поудобнее, прижав бедром к сиденью блокнот.

— Понимаете, Олег Романович... У меня есть подозрение, что я умерла в детстве. А сейчас по земле ходит моя какая-то нелепая оболочка, в ней нет души... — шёпотом сказала Панченко, внимательно глядя в глаза психолога. — Всё, что происходит со мной всю мою взрослую жизнь, как будто не для меня и не про меня. У меня дереализация. Я часто не понимаю, где явь, а где сон... Вы можете мне помочь? Ваша теория как-то может мне помочь?

Теория Олега Коврова про переход с уровня 2D на 5D быстро набрала популярность. На его лекции стали приходиться всё больше слушателей, а его блог в интернете рос с космической скоростью. Каждый день он придумывал новые и новые подробности, инсайты и откровения. Публика жаждала духовности.

— Олег, прими эту блогершу, у которой я снималась. Панченко! Она, кажется, немного сошла с ума на фоне разваливающегося брака. Пришла ко мне на консультацию, но обычные методы с ней не работают. Она хочет верить в... неземные причины своих проблем... Поговори с ней! — устало сказала Ольга, придя как-то с работы.

И вот Регина сидела перед Ковровым. Яркая, красивая, но напуганная. Лицо девушки будто повёрнуто внутрь себя.

— Слушаю вас, Регина. Я постараюсь помочь, — кивнул Ковров.

В детстве Регина трижды пыталась покончить с собой: резала вены, вешалась, выпила целую банку снотворного. Услышав такие откровения, Ковров едва удержался от того, чтобы не закричать от ужаса.

— У нас с родителями были очень напряжённые отношения. Я чувствовала, что не нужна им, что мешаю... Они мне, кстати, часто говорили, что «всё из-за меня». А что именно «всё»

— не уточняли. Но я чувствовала себя очень виноватой в том, что живу. И вот лет в двенадцать мне словно кто-то начал нашёптывать на ухо про самоубийство. У меня окрепла мысль: если я сейчас тихо уйду, они точно заживут лучше. Потому что от меня много проблем. — Панченко развела руками. Она говорила так спокойно про свои попытки суицида, что Олегу становилось рядом с ней страшно от минуты к минуте. — И вот в руки попали бритва, верёвка... но я не смогла довести дело до конца. Понимаете, я испугалась боли в самый последний момент. Я приладила верёвку к полотенцесушителю в ванной. Встала на стул, накинула петлю на шею и полчаса где-то стояла... Не шагнула... Испугалась... Дура... Потом в ванной резала руки. Хотела глубже, а не смогла. Но вся ванная была в крови... — Регина подробно рассказывала про свои попытки умереть.

Сердце Коврова колотилось от боли и отчаяния. Он смотрел на молодую красивую девочку. Успешную, перспективную. На ту, которой завидовали тысячи женщин: Панченко была действительно звездой интернета. А перед ним сейчас сидела совершенно другая женщина — словно оживлённая злой рукой шамана кукла вуду, спокойно говорившая о том, как она умерла. Как же так можно было довести своего ребёнка? Двенадцатилетнего ребёнка! Чтобы он предпринял три попытки самоубийства... И родители ничего не заметили... Олег не верил в это. Он кинул взгляд на коробку с бумажными салфетками. По всей видимости, они понадобятся скорее ему, чем клиентке. Ковров спрятал трясущиеся руки в карманы пиджака. Ему было безумно жаль Регину.

— А потом я поняла, что можно без крови! Да! — Панченко просияла. — Я купила банку снотворного. Там было пятьдесят таблеток! Из книг и фильмов знала, что если выпить всю банку, то непременно умрёшь. Тихо и красиво, во сне! Я выпила все таблетки, проспала сутки и потом проснулась. Мне было так обидно... — она развела руками.

Ковров вспотел. Пятьдесят таблеток снотворного! Девчонке просто повезло. Такие лекарства могли нанести непоправимый удар по нервной системе и мозгу, но при этом не убить. Регина могла проснуться инвалидом и никогда больше не уметь ходить, разговаривать и даже мыслить. Как же ей повезло! Это просто не судьба...

— И теперь вам кажется, что вы тогда всё же умерли? — Олег понял, что Регина всё сказала и теперь ждёт его реакции.

— Да, мне кажется, что настоящая Регина давно похоронена... А я просто как квантовый двойник влачу жалкое существование... И ничего не чувствую... Никого не люблю... И меня никто не любит. Я — как тень, — девушка с горечью развела руками.

— Регина, а ваши родители правда ничего не знали про ваши попытки умереть? — вымолвил Ковров.

— Нет, не знали. Их почти никогда не было дома. А когда они приходили, то всегда ругались со мной, поэтому я закрывалась в своей комнате и старалась не попадаться лишней раз на глаза. Я не понимала, почему они меня так ненавидят, — кивнула Регина.

— Вы сутки проспали, приняв лекарство! Они что, не заметили?

Панченко помотала головой. Психолог вскочил со своего места и сделал несколько нервных шагов по кабинету. Какой кошмар! Ольга не говорила, что у Регины такой запрос! Хотя, может быть, девушка просто не открылась по-настоящему его жене. Такого в практике Олега ещё не было. Он никогда не беседовал с человеком, который спокойно рассуждал о многократном опыте суицида в детстве. Так спокойно и отрешённо, будто рассказывал о ценах на хлеб в магазине. Бедная девочка! Как же её изуродовали в детстве... Какая уж тут дурацкая теория перехода... Тут нужна консультация психиатра, возможно и стационар, и препараты... Олег не мог поступить с Региной так и продать ей лечение придуманной теорией духовного просветления.

— Знаете, какой сон мне снится часто-часто, Олег Романович? — Регина повернулась к нему, пока Ковров стоял у окна и пытался прийти в себя.

Он вернулся в кресло и, наклонившись к девушке, взял её за обе руки.

— Какой?

— Я в той нашей старой квартире и у меня в руках три таблетки. Это яд. Я хочу их принять для того, чтобы умереть там и родиться заново где-то ещё. И я не боюсь смерти. Просто хочу стереть прошлое.

— А родители есть в твоём сне? — уточнил Олег.

— Да! Отец сидит на кухне и пьёт водку. Он так всегда после работы делал. А мать просто ходит по квартире недовольная. Но вот удивительная штука, Олег Романович! Мать я вижу молодой! Ей около тридцати лет... Она меня родила в двадцать пять. И я перед смертью хочу отдать ей маленькую корзинку с какими-то хорошими вещами. Ей на память... И отдаю ей. А сама держу таблетки в руках, и она знает, что я их сейчас выпью.

— И она не останавливает тебя?

— Нет, не останавливает. Она швыряется рукой в корзину и брезгливо говорит, что ей ничего тут не нравится и не подходит. И уходит куда-то вглубь квартиры. А я стою на кухне с этими таблетками. Выпиваю их... Мне не страшно умирать. Но я рыдаю в голос. Наверное, от осознания, что меня никто не пытался остановить, и от обиды, что даже мои какие-то вещи не составляли ценности... как память...

Ковров вскочил на ноги и сграбастал в охапку Регину. Прижал к себе. Та обняла его слабыми, как плети, руками.

— Регина! Девочка... — Олег обнимал её как безвольную куклу. Из его глаз текли слёзы. Наконец он отстранился и усадил обратно напротив себя. — Регина! Прости... Но то, что я тебе скажу сейчас, возможно, тебя ранит... Я прошу прощения! Регина, тебе нужна консультация врача-психиатра! Я — психолог! Я консультирую клиентов с... с другими запросами...

— Я не пойду к психиатру, Олег Романович! Вы что! Меня упрячут в мягкие стенки! — возмутилась блогер. — Поработайте со мной вы! Пожалуйста! Вы наверняка знаете, умерла я тогда в двенадцать лет или нет? И почему этот сон не даёт мне покоя...

Ковров обхватил руками виски и опустил голову.

Ленинград, 1969 год

15 июля 1969 года Маше Стукалиной исполнилось двадцать лет. Она и трое подруг поехали отмечать праздник на дачу под Стрельну. Взяли, как водится, несколько бутылок «Советского шампанского», колбасы, фруктов и пирожных из «Севера».

Расположились на веранде, включили только что привезённый отцом Людки, хозяйки дачи, из Харькова кассетный магнитофон. На весь участок, срываясь каждые десять минут на хрип из-за зажёванной плёнки, орал Modern Talking.

— Машка, с юбилеем! — девчонки подняли фужеры, из которых настойчиво лезла пена успешного сильно нагретая в электричке вина. — Всё только начинается!

Вскоре на пороге дачи появился в поиске компании поддатый сосед — тридцатилетний Серёга Лопухин, который совсем недавно освободился из иркутского лагеря и вернулся в Ленинград. Сидел семь лет за фарцовку. На соседнем участке за освобождение Лопухина пили водку его друзья. Главных компонентов любой хорошей пьянки: водки, еды, музыки и залихватской пацанской дури было много, а вот женского пола — критически мало. Точнее, вообще не было.

— Серёга! — закричала Людка. — Так рада тебя видеть! Девчонки, это же мой сосед!

Лопухин раскланялся и предложил объединить застолья, коли уж так всё удачно складывается. Соседки согласились, и через полчаса к ним на участок притащились пятеро изрядно пьяных мужчин, держа в охапке шашлыки и тёплую водку.

Один из гостей, Жора, очень быстро начал демонстрировать недвусмысленные знаки внимания имениннице. Маша от его ухаживаний сначала отказывалась деликатно, а потом и вовсе

начала грубить. Сорокалетний мужик, заросший щетиной и воняющий потом, не казался ей удачной партией на этот вечер. Однако тот не сдавался.

— Серёга, ты сказал бы своему другу, чтобы он к Машке так нагло лапы не тянул! Не нравится он ей, это же очевидно! — шикнула Людка соседке в ухо. Тот пьяно кивнул, перекачывая между зубами «беломорину».

— Слышь, не лезь к Машке... — толкнул он в бок Жору. — Не нравишься ты ей...

— А ты что заступаешься? Сам решил ей вставить что ли? — пьяно ухмыльнулся тот. — С днём рождения поздравить, так сказать...

— Слушай, завали! Это нормальные девчонки, не марухи! Людка — соседка моя, с детства как сестра младшая. И подружки у неё все приличные девчата. Понял? — ещё раз убедительно повторил Лопухин.

Жора примирительно выставил ладони вперёд:

— Всё, всё, я понял!

Вечер продолжался. В конце концов все напились до беспамяත්ства. Соседи ушли к себе. Маша оказалась самой стойкой, и когда её подружки расплозились по комнатам, чтобы проспаться, стала собирать грязную посуду на веранде и таскать её в летнюю кухню. Она не хотела оставлять всё на утро. Любила просыпаться в чистоте и свежести.

На столе оставались только грязные рюмки и фужеры, и Маша с предвкушением скорого отдыха вышла из летней кухни, потягиваясь и зевая. В это время за столом на веранде она увидела Жору, выливающего остатки водки в рюмку.

В конце августа Маша поняла, что с ней что-то не так. Последнюю неделю её сильно тошнило по утрам, она реагировала на запахи, особенно на чеснок. Стала нервной и плохо спала. Мать и отец, с которыми она жила в одной комнате в коммунальной квартире, ничего подозрительного за дочерью не замечали. Маша пошла в больницу.

— У тебя три недели беременности! И у тебя двойня! — строго объявила очкастая врачиха с бородавкой на подбородке. — И, конечно, не замужем?

Маша не знала, что ответить. В ту июльскую ночь на даче она не смогла спастись от Жоры. Она очень старалась забыть и его ужасный запах изо рта, и цепкие лапы, которые задрали ей прямо на веранде подол платья, и его зловещий шёпот: «Можешь даже не орать! Все уже отрубались! А я вот могу тебя вилкой в глаз пырнуть!» Маша вытерпела. На следующий день она уехала из Стрельни с первой электричкой. Подруги звонили потом ей домой, беспокоились. Казалось, всё уже позабыто... А тут беременность...

— Так замужем ты или нет? — повторила докторица.

— Нет, я не замужем... — растерянно ответила Маша. Двойня! Слово пульсировало пушечным залпом в ушах, било по голове кувалдой.

— На аборт я тебе не могу дать направление, показаний нет! Придётся рожать! — припечатала врач.

Сознаться родителям было страшно. Предсказуемо разразился страшный скандал. Орали все. Отец схватился за ремень, замахнулся. Маша сжалась, но тот в сердцах бросил ремень на пол. Беременная же... Как можно было подготовиться к рождению двойни и жить потом в шестнадцатиметровой комнате всем вместе, впятером, было непонятно. Однако всё стало ещё хуже в октябре. На обследовании у детей заподозрили патологию развития. Маша рыдала дома в подушку. Родители с ней не разговаривали. Как и соседи, которые, конечно же, мгновенно узнали про скандал в семье Стукалиных. Стены в пролетарской коммуналке тонкие. Известие о том, что в тринадцатикомнатной квартире вот-вот появятся сразу два младенца, которые не будут давать спать всем в ближайший год, настроения не прибавляло. Всего в этой коммуналке на Большой Монетной жили сорок пять человек.

Близнецы родились недоношенными в конце марта 1970 года. Два мальчика. Хиленькие, синюшного цвета. У одного не раскрылся глазик. Маша молилась богу о том, чтобы они умерли

в роддоме «под колпаком». Её родители не навещали дочь и, вероятнее всего, тоже очень надеялись, что Маша вернётся домой одна. Но советская медицина творила чудеса. Мальчиков всё же выходили и позволили набрать нужный вес. В конце апреля Машу Стукалину и её сыновей вытолкали на крыльцо роддома, залитое ярким солнцем. За внуками приехал хмурый дедушка. Мать приготовила угол для внуков, огородив кровать дочери, стоящую в углу, ширмой, и установив там одну большую люльку.

— Таз новый для купания висит над дверью, красный, — хмуро сказала новоиспечённая бабка и ушла на ночную смену. Отец ковырял в гараже свой «Москвич».

В девять вечера матери Маши позвонила на работу соседка Роза. Машу увезли в милицию. Она только что утопила своих сыновей в тазу. Соседи, услышав крики и странную возню, выбили дверь в общую ванную, где Маша заперлась вместе с детьми.

В мае Марию Стукалину приговорили к двенадцати годам колонии и отправили отбывать наказание в Мордовию. А в декабре 1978 года родители Маши получили извещение от начальника лагеря о том, что их дочь получила ещё пятнадцать лет наказания за соучастие в убийстве надзирателя при попытке побега.

15 июля 1997 года Маше Стукалиной исполнилось сорок восемь лет, а в сентябре она вышла за ворота исправительно-трудового лагеря, проведя там последние двадцать семь лет жизни.

Глава 3. Дыра в груди

Петербург, 2019 год

Герман Наумов подстроил встречу с Олей. В её социальных сетях он увидел анонс публичной встречи в одном из лекториев у метро Адмиралтейская. Приехал туда за полчаса до окончания. Заглянув через стеклянную дверь в зал, он сразу же увидел Олю. Германа бросило в жар. Пока он планировал эту встречу, репетировал приветствия, мимику, жесты, он держался. Но стоило только увидеть её и осознать, что через полчаса он подойдёт к ней вплотную, коснётся руки...

Возле лектория стояли уютные низкие диванчики весёленького оранжево-фиолетового цвета. Герман присел на один из них и не сводил взгляда с двери. До окончания лекции Ковровой оставалось пятнадцать минут. Они тянулись медленно и болезненно. Снова и снова в голове Наумова всплывала та омерзительная сцена, когда его отец отговаривает их «спешить с ребёнком и с бракосочетанием». Снова и снова он видел перед собой глаза Ольги, в которых плескались презрение и брезгливость. Он не смог тогда защитить ни её, ни их ребёнка. Интересно, какого пола он был... Может, мальчик? Которому сейчас уже было почти пятнадцать лет.

Герман вздрогнул от удара двери о стену. Из лектория неспешно выходили молодые женщины с задумчивыми лицами. Он встал на цыпочки и, вытянув шею, посмотрел поверх толпы. Ольга всё ещё была в зале. Пора! Он подождал, пока женщины разойдутся, и лёгкой походкой пошёл будто бы мимо лектория в сторону узкого коридора. Сердце его бешено колотилось. Проходя мимо двери, Герман замедлил шаг и будто бы невзначай бросил взгляд внутрь. И тут же из двери сделала шаг вперёд Оля. Они столкнулись лоб в лоб, и Герман машинально обхватил женщину за плечи. Он посмотрел в её карие глаза с жёлтой радужкой и потерял дар речи.

— Герка! — воскликнула Оля и обняла его за шею. — Неужели это ты?

— Оля? Оля! — в тон ей ответил Наумов и прижал к себе сильнее.

Они сидели в кафе неподалёку от метро, пообедали и разговаривали. Никакого напряжения, которого так боялся Герман, не было. Оля, казалось, вовсе не злилась на него.

— Надо же, я и не знал, что ты такой популярный психолог, Самойлова! — очень правдоподобно соврал Наумов. — И у тебя есть какой-то научный центр или что? Не совсем понимаю просто специфику, прости!

— Я давно уже не Самойлова, а Коврова. Мой муж Олег Ковров тоже психолог. Но мы не работаем вместе. Никакого центра у меня нет. Я даю лекции в залах города, веду группы! Но всё впереди, может, и будет центр, — улыбнулась Оля.

— Ах, вот оно что... — замялся Герман. — А я бы проинвестировал какой-нибудь перспективный научный стартап. Если будут мысли, то сообщай! Кстати, у меня есть приличный участок под Всеволожском. Там кое-какие постройки и жилой дом. Это я так, к слову. Может пригодиться... — Герман отвёл глаза от Оли и принялся резать стейк.

Коврова рассеянно кивнула и тоже увлеклась едой в своей тарелке. Поддавшись первому порыву при встрече с бывшим возлюбленным, теперь она не знала, как себя вести. Попыталась казаться расслабленной, но внутри себя уже горько сожалела о том, что так легкомысленно согласилась пойти обедать с Геркой. О чём можно было говорить спустя столько лет с мужчиной, который заставил тебя сделать аборт? О погоде?

— Такая слякоть... Ноябрь, а уже все улицы в новогодних огоньках! — махнул Герман вилкой за окно, жуя стейк. По улице под проливным дождём бежали продрогшие люди. — А в Москве сейчас вообще чуть ли не в сентябре наряжают город, знаешь...

Москва, 2019 год

Олега впервые пригласили выступить в Москве с лекцией о теории перехода. Ковров больше не нервничал, он не боялся скептиков или разоблачения. Он окончательно понял, что большинство людей сейчас настолько больны и измучены невыносимой реальностью, что отчаянно ищут для себя лекарство, которое поможет им забыться. Удивительно, но люди хотели одновременно невозможного, несочетаемого, противоречащего нового порядка вещей и смыслов. На лекциях Ковров рассказывал про «матричное устройство мира»; «новый мир D», куда перейдут только пробуждённые; про то, как пробудиться; про то, как отречься от суеты и отживших сценариев жизни... За отдельную плату после лекций в отдельном помещении Ковров проводил диагностику «душевной готовности» слушателя, который приходил к нему после лекции в индивидуальном порядке, к переходу в мир D.

«Теория перехода», придуманная Ковровым за четыре дня, пока он попивал чай на своей кухне, принесла за полгода уже три миллиона рублей чистой прибыли.

При этом Олег всё же старался приносить людям пользу и помогал им разбираться с некоторыми действительно болезненными и существующими, а не надуманными проблемами.

— А что для вас курение? Почему вы курили столько лет? — Ковров передал микрофон в руки женщине лет сорока, которая сидела во втором ряду. — Давайте поговорим про курение! Это важно! Если поймёте, зачем действительно вы курите, то сможете легко бросить прямо сегодня. — Он обернулся к залу и пригласил всех внимательно выслушать выступающую.

— Это попытка согреться... Внутри меня, в груди, всю жизнь была огромная дыра. Вдыхая горячий дым, я грелась. Он заполнял мои лёгкие, обжигал, давал вкус и спокойно выходил наружу... — спокойно объясняла женщина, имитируя невидимую сигарету в руках и поднося её к красивым полным губам, накрашенным фиолетовой помадой. — Потом снова затяжка... Снова горячо... Ты чувствуешь себя живым, когда куришь. Ты чувствуешь и замечаешь каждый вдох. Снова выдыхаешь... И хорошо... Но на некоторое время, конечно же.

— А как бросили? Долго решались?

— Решалась неделю. А бросила в один день. Просто докурила несколько сигарет, которые оставались в портсигаре, и всё. Последнюю выкурила ближе к полуночи. Легла спать. Утром проснулась и впервые за двадцать лет жизни не начала день с сигареты на балконе. Просто кофе. Потом зарядка, ванная... Всё как раньше, но минус сигарета, — развела руками женщина и улыбнулась.

— Вы курили двадцать лет? — уточнил Ковров.

— Да, чуть больше. И вообще не было в планах бросать. При этом я почти не пью алкоголь. Никогда не употребляла наркотики. Грелась дымом...

— А что дым давал вам в молодости? Как он грел?

— В родительском доме велись постоянные военные действия. Мать и отец всю жизнь что-то выясняли. Это так изматывало. Ты постоянно как под бомбами. Не знаешь, где наступишь на растяжку. Не знаешь, кто сегодня нападёт на тебя, потому что он сам на пределе. И когда ты не можешь получить внешнее тепло, ты компенсируешь это тепло дымом... — женщина немного смутилась, но потом продолжила: — На несколько минут отключаешься от реальности и вдыхаешь... А потом это становится дурной привычкой. Люди курят одну за другой в моменты сильного стресса, пытаются согреться изнутри.

— Тревога — это холод? — продолжал идти вглубь Ковров.

— Конечно! Когда тревожишься — внутри холодно, пусто, гулко. Даже если на улице плюс тридцать... — закончила признаваться женщина с фиолетовыми губами.

— Как вас зовут? — Ковров нагнулся над ней, перехватывая микрофон.

— Наташа!

— Друзья, аплодисменты Наташе! Потому что она сейчас для нас провела просто потрясающий сеанс самой настоящей психотерапии и на своём примере объяснила очень сложный

вопрос! — Олег первым начал аплодировать, и его с грохотом поддержал весь зал. — Наташа, вы молодец! Вы всё правильно поняли и осознали!

Ковров продолжал хлопать и подначивать весь зал. Люди вставали и аплодировали Наташе, у которой больше не было дыры в груди и ей не надо было греться сигаретным дымом.

После лекции, которая проходила в лофте неподалёку от Павелецкого вокзала, к Коврову подошёл высокий, худощавый брюнет и слегка дёрнул психолога за рукав. Его уже изрядно подъела седина, особенно постаравшись разделаться с растительностью на лице: аккуратно подстриженная бородка-клинышек была поделена ровно на чёрную и белую часть. Тонкие усы при этом были как будто бы покрыты пеплом, серебристые. Он был похож на благородного испанского дона. На седом брюнете элегантно сидел вельветовый синий пиджак с модными коричневыми заплатками на руках.

— Здравствуй, Олег Романыч! — по-свойски сказал седой брюнет, слегка усмехаясь и протягивая раскрытую ладонь Коврову.

— Тимур?! — Ковров подпрыгнул от неожиданности и радостно обхватил седого за плечи. — Вот это да! Здорово! — он жал и тряс его за руку. — Ты что же на лекции моей был?

— Да! Слушал! Хочу просветления! В себе разобраться надо, — усмехнулся Тимур. — Ты надолго к нам? Есть время поболтать?

Ковров быстро достал из кармана телефон, бросил взгляд на экран и кивнул:

— Да! Есть часа полтора! Пойдём обедать! А потом я на сапсан рвану!

С Тимуром Ивановым Ковров учился в ленинградском меде. Иванов получал профессию врача-психиатра, и они вертелись тогда в одной компании. Ходили на танцы с девчонками, шлялись долгими летними ночами по городу и пили водку в рюмочных на Петроградке. Вскоре после окончания вуза Тимур женился на москвичке Алле, с которой познакомился на пляже в Комарово, и уехал из Петербурга. Контакт с Ковровым они не поддерживали. После окончания университета прошло более двадцати лет.

— Как живёшь, Тимка? — улыбнулся Ковров, когда они уже сидели за столиком в симпатичном ресторане. — Женат всё также? Дети есть?

— С Аллочкой мы развелись через десять лет. У нас есть сын Гоша, он остался жить с матерью. — вздохнул Тимур и принялся намазывать взбитое с прованскими травами сливочное масло на кусочек ароматной чабатты. — Видимся, конечно. С Аллой у нас сохранились хорошие отношения. Ну насколько это возможно между бывшими супругами! Мы — интеллигентные люди всё же... — рассмеялся Иванов.

— Жизнь есть жизнь! У меня тоже первый брак не сложился, знаешь ли! Очень разными людьми оказались. Гормоны успокоились, а оказалось, что поговорить даже не о чем. Потом встретил Ольгу. Она замечательная женщина и мой большой друг, что важно. — развёл руками Олег.

— Да, дружба в браке — это важно. Весело трахаться и смеяться над пустяками можно первые года три, а потом всё равно придётся трезветь. И если дружба не появилась, то отношения обречены. — кивнул Тимур. — А в целом чем занимаешься? Я так понял, что ты гастролируешь по нашей необъятной Родине?

— Пока только сапсаном в белокаменную наезжаю! Но надеюсь масштабироваться! — рассмеялся Ковров. — А ты где практику ведёшь? Частник пойдёшь? Вид у тебя сытый!

— Работаю в частной клинике, — коротко кивнул Иванов.

Полтора часа пролетели незаметно. Ковров и Иванов вспомнили весёлую юность, общих знакомых и немного поговорили про политику.

— Так, ну мне пора, Тимка! Я закрою счёт! Нет-нет! — Ковров коротко коснулся руки однокашника, который было полез в карман за портмоне. — Давай обменяемся телефонами! Ты в Питере бываешь? Могу пригласить тебя к себе в гости.

— Приезжаю к родителям раз в месяц! Скоро на новогодние наведаюсь к ним. Спасибо, Олежка, я бы посмотрел, как ты живёшь! — кивнул Иванов.

Ковров расплатился, и мужчины неспешно двинулись к выходу, шутивно подталкивая друг друга в проходе между столиками.

Юра Панченко выпивал со своим другом в баре на Некрасова. Сегодня Юра официально стал снова холостым мужчиной. С Региной их развели очень быстро. Детей не было, имущество разделу не подлежало, так как всё было записано на Регину. Юра не зарабатывал особенно больших денег и в семью ещё ничего не успел вложить.

— Весь сыр в один вареник, Вить! — развёл руками Панченко. — Я тот день помню очень хорошо! И что было потом.

Витя поднял кружку с тёмным нефилтрованным и стукнул ей по кружке Юры.

— Давай, братан!

— После того, как Регинка познакомилась с этой психологиней Ковровой, будто с ума сошла! Ты видел её пост про детские травмы, нелюбовь родителей, про то, как взрослые калечат детей?

— К сожалению, видел! — кивнул Витя. — Этот пост облетел всю страну. А все знают, кто родители Регинки! Те в шоке! Оказывается, у них дочь травмированная на всю голову, а они в это время делами государственной важности занимаются и не в курсе событий! Разругались, конечно! Потом это безумие подхватили другие «травмированные в детстве», и вот уже новые скандалы, интриги, расследования! Массовый психоз... Блогеры сейчас на этом повестку пилят, психологи бегают по подкастам, сводят с ума неокрепшие умы, которые вечером решили в интернете просто котиков посмотреть... Включают, а тут на них шквал из травм и признаний! — Юра помотал головой. — Все тут же начинают у себя эти травмы искать. Это как медицинскую энциклопедию открыть и ткнуть в случайное заболевание — все симптомы сразу же у себя найдёшь.

— А с тобой она развелась в итоге из-за чего? — уточнил Витёк.

— Официально из-за Жанны... — помрачнел Юра. — То утро и не задалось в принципе из-за сообщения от неё. Фотку прислала такую... интересную, мягко скажем. Мы полгода назад расстались, но тут она опять появилась, поздравила с днём рождения, и понеслось! Самое обидно то, что я не сплю с ней сейчас! — Панченко грохнул кружкой по столу.

— А Регинка что сейчас?

— Она ударились в психологию! Общается сейчас с этими Ковровыми. У Ольги есть муж Олег, так вот он ещё и какую-то чертовщину, мистику преподаёт! Про переходы в новые миры... У Регины теперь минимум два официальных повода удариться в эту шизофрению: развод со мной и застарелые детские травмы! Тьфу ты, звучит даже как бред сумасшедшего!

— Капец! — выругался Витя и едва не подавился пивом. — По ним же всем дурка плачет! Но я представляю, как деньги они зашибают на этих своих просветительских лекциях, Юр!

— Плачет дурка! Ещё как! У них лекции, групповые практики там какие-то. Интервью постоянные, междусобойчики. Надо же как-то клиентов заманивать. Пудрят народу мозги, Витёк, ой, пудрят! И Регинку засосало это болото...

— Так может, её спасти надо? — предложил Витя.

— Во-первых, сейчас это бесполезно. Ты её глаза видел? Остекленевшие. Она сама на себя не похожа в кадре. Как зомби. Во-вторых, как ты представляешь это спасение? «Регина, не ходи больше к психологам!» — «Хорошо, не пойду!» Так? — горько усмехнулся Панченко. — Будем надеяться, что скоро пройдёт... — Юра покачал головой и закинул в рот кусочек жареной корюшки.

Ольга нервно расхаживала по гостиной перед Олегом.

— Послушай, это отличный вариант! Участок в безвозмездную аренду! Мы сможем проводить там ретриты, семинары, или даже устроим лагерь для взрослых! — размахивала она руками.

— Оля, я не могу принять такой подарок от твоего бывшего! Ты с ума сошла? За кого ты меня принимаешь? У нас есть деньги, мы ещё немного подкопим и купим землю! — возмутился Ковров, слушая в который раз за две недели увещевания супруги. — Это исключено!

Психолог остановилась перед мужем и упёрла руки в бока.

— Хорошо! А если он сдаст нам эту землю и дом по рыночной цене? Тебе будет спокойнее платить за аренду?

— Я не понимаю твоей спешки, Оля! Ты даже не видела ещё этот участок! А уже мысленно построила на нём хрустальный дворец и мост! — строго сказал Ковров. — И я был бы тебе очень признателен, если ты мне всё же расскажешь, откуда он взялся этот Герман спустя столько лет? Как из-под земли выпрыгнул! Я всех твоих поклонников знаю пофамильно! Такого среди них нет!

— Мы встречались в студенчестве! Совсем недолго! Это неважно, Олег! — раздражённо махнула рукой Ольга.

— Нет, это важно! Потому что просто так спустя столько лет «просто бывшие» не объявляются и не предлагают гектары элитной земли в Ленобласти!

— Он мне немного задолжал за то, что постоянно списывал! — натужно рассмеялась Коврова. И Олег ей не поверил. — Давай так! Я сама поеду с Наумовым посмотреть этот участок, а потом всё тебе расскажу! Понимаю, что тебе не хотелось бы встречаться с моим... поклонником из юности! — припечатала она в конце.

В это время Олегу позвонила Регина Панченко.

— Регина, да, здравствуй! — тон Коврова моментально поменялся и стал тихим, бархатным, чуть рассеянным.

— Олег Романович, мы можем сегодня встретиться? Мне очень нужна сессия! — попросила Панченко.

— Регина, следующая сессия в среду. У меня все дни забиты и сегодня совершенно некуда тебя вписать... — начал оправдываться Ковров.

Ольга стояла рядом и прислушивалась к разговору мужа с пациенткой-блогершей. Регины стало в их жизни чрезвычайно много.

— Олег Романович, я согласна даже в машине переговорить, если это возможно. Вы же наверняка куда-то будете ехать... Или хотите, я вас отвезу куда-нибудь? — упрасивала Панченко.

В итоге Олег сдался и пообещал позже прислать ей сообщение с геолокацией.

— Олег, у тебя обострился синдром спасателя или ты влюбился в Регину? — в лоб спросила жена.

— Что ты такое несёшь? — Ковров встал с дивана и немного засуетился по гостинной. — Во-первых, она платит за каждую сессию. Во-вторых, я черпаю просто бесценный материал и надеюсь, что хотя бы на будущий год допишу диссертацию! Я же не собираюсь всю жизнь рассказывать людям про несуществующую теорию перехода, Оля! Я хочу заниматься наукой! И ты, кажется, тоже хотела ей заниматься!

— Да, Олег! Я тоже хочу заниматься наукой! Знаешь, где-нибудь на веранде нашего дома в жаркой Италии. Попивая лимончелло и закусывая пиццей из дровяной печи! — горячилась Коврова.

— Мы и занимаемся! — не впопад ответил Олег. — И Регина платит деньги, и она решает брать её истории в архив...

— Так я еду с Наумовым смотреть участок? — рывкнула Ольга.

— Да! И не надо так орать! — Ковров вышел из гостинной быстрым шагом.

Ольга посмотрела ему вслед и покачала головой. После того как Регина впервые побывала у него на приёме, он стал сам не свой. С каким запросом пришла блогерша, он не сказал, сославшись на этику. Жена повертела пальцем у виска и потребовала всё рассказать. Ковров отказался. Но добавил, что будет продолжать работать с Панченко, потому что в ней содержится «бесценный патологический материал и дискурс». Точно влюбился, решила Ольга. Такое бывает между врачами и пациентами. Но это проходит.

Через два часа Герман Наумов вёз Ольгу смотреть участок.

Москва, 2019 год

На операционном столе лежала очень худая обнажённая девушка. Глаза её были закрыты, а запястья и щиколотки привязаны ремнями к поручням. Кожа была похожа на мрамор с серыми и голубыми прожилками. Длинные пепельные волосы свисали со стола и доставали почти до пола операционной.

Тимур Иванов стоял возле стола со скальпелем в руках. Голый и в резиновом фартуке. Он сделал шаг по холодной плитке навстречу девушке и чуть сморщился. Но склонившись над ней, тут же почувствовал сильное возбуждение. Врач погладил рукой её щёки и пухлые губы. Скальпель сверкнул в руке. В это время девушка открыла прозрачные глаза, и Тимур увидел в них отражение: человек с красной кожей, дьявольскими рогами и с ножом в руке. Девушка завизжала, а Иванов сделал мощный и глубокий надрез скальпелем от её горла и до пупка. Хлынула кровь...

Доктор Иванов подскочил на кровати, обливаясь ледяным потом и стуча зубами. Снова этот сон. Снова приступ спустя всего месяц. Промежутки становятся всё короче, это плохо. Тимур пошёл в кухню, открыл холодильник и достал бутылку водки. Сделал два мощных глотка и, стукнув бутылкой по столешнице, прислонился лбом к дверце навесного шкафа.

Сон, в котором Тимур разрезает плоть живой девушки-пациентки, снился ему уже более пяти лет. Как психиатр Иванов понимал, что с ним говорит его бессознательное и *что* именно оно хочет ему сказать. Тимур начал принимать лекарства. Его начало неудержимо тянуть воплотить свои сны в реальности, и это его пугало. Доктор Иванов понимал, что он становится опасным для общества. Для того самого общества, которое он оберегал, работая с душевнобольными преступниками, совершавшими кровавые преступления. Иванов исследовал психику маньяков, которые уже были пойманы и содержались в спецучреждениях.

Тимур полез в ящик стола и вытащил пузырёк с таблетками. Проглотил три, запив мощным глотком водки. На часах, которые мигали зелёным светом на микроволновой печи, было четыре утра. Тимур понял, что ему уже не уснуть. На работу нужно было вставать в шесть. Он потёр лицо ладонями и, открыв настежь окно, впустил в кухню холодный декабрьский воздух.

Петербург, 1997 год

Уехав из Ленинграда в 1970 году и вернувшись в 1997-й уже в Санкт-Петербург, Маша Стукалина решила попытать счастья и узнать, кто живёт в её квартире на Петроградке. За все эти годы в лагере она не получила ни одного письма от родителей или подруг. Вероятнее всего, родители уже умерли. Оказалось, что квартира на Большой Монетной давно была расселена. И сейчас в бывшей тринадцатикомнатной коммуналке жил классический «новый русский» того времени. Вместо старенькой деревянной, подбитой и подлатанной двери, за которой скрывался раньше коммунальный рай, теперь стояла солидная металлическая. На косяке мигала красным огоньком камера наблюдения. Чуть ниже висела латунная табличка, на которой было выгравировано: «Семья господ Карасёвых».

Почти за тридцать лет Ленинград изменился до неузнаваемости. Конец девяностых – эпоха кризисов и возможностей. А фактически разгул преступности, разруха, инфляция, передел власти, наркомания, проституция, спекуляция, блеск и нищета классической ленинград-

ской интеллигенции, коррупция... Город-герой, отбившийся от фашистов в войну, не смог устоять под натиском капиталистической пропаганды. Питер был заклеен рекламой японской техники, американских бургеров, немецких машин, индийских духовных общин, китайских технологий и всевозможных финансовых пирамид... На Невском вперемешку с «Жигулями», «Москвичами» и «Волгами» ползли «Ауди», «Мерсы», «БМВ», «Тойоты», за рулём которых сидели «быки», одетые в малиновые пиджаки и с толстыми золотыми цепями на шеях. Из ресторана в ресторан на Невском порхали в поисках клиентуры проститутки – эти были классом ниже, чем те, которые работали в отелях. Разодетые в дешёвые блестящие короткие платья, курточки, туфли на огромных каблуках, в сетчатых колготках, они курили, стоя у входа в новые «очаги культуры», матерились, приставали к проходящим мужчинам и втапывали в асфальт ногами высосанные до фильтра хабарики с красными отпечатками их губ. «Обводный канал на гастролях в центре» — сказала сама себе Маша.

Она смотрела на город безумными глазами: была и очарована, и напугана одновременно такими разительными переменами. Ночевала на вокзалах. Несколько раз у неё проверяли документы милиционеры, и она, краснея от стыда, показывала справку об освобождении. Деньги, которые Маша заработала в колонии, стремительно заканчивались. Да их и изначально было немного. Маша покупала себе дешёвые пирожки у метро и жидко заваренный цикорий, который продавали на разлив под видом приличного кофе. Гуляла по осеннему Питеру, заглядывая во все любимые уголки города. Улыбалась, глядя на туристов, обалдевших от тёплого сентября. Передразнивала чаек, махала рукой корабликам, идущим по рекам и каналам, обнимала руками колонны Исаакиевского собора. На Конюшенной купила шесть пышек и проглотила их почти не жуя. Все двадцать семь лет каждую ночь Стукалиной снился родной город. И выжила в лагере она по одной причине. «Дух ленинградца невозможно сломить даже в оккупацию, даже в концлагере, даже в газовой камере!», — так говорила учительница истории Нинель Феликсовна, которую её бывшая прилежная ученица, а потом и зечка с отрицательной характеристикой, Маша Стукалина очень любила и часто вспоминала.

Отгуляв «дегембельскую» неделю, Маша немного протрезвела от встречи с городом и поняла, что пора устраиваться на работу. Пора устраивать жизнь. Если это вообще ещё не поздно было сделать женщине на сорок восьмом году жизни, отмотав почти тридцать лет сроку в исправительной колонии за убийство двух своих новорожденных детей.

Стукалина нашла адрес городского центра занятости. В маленькой конторке с потрескавшимися стенами под портретом президента сидела женщина в серой вязаной кофте. На её столе лежали несколько картонных папок с замызганными тесёмками.

— А какое у вас образование? — равнодушно спросила служащая Машу.

— Я не успела закончить медицинское училище. Тут вот такая ситуация... — Маша покраснела и показала справку об освобождении.

После этапа из изолятора в лагерь Стукалина почти сразу попала на работу в медчасть. Начальница отряда, разбиравшая дела новых зека, пожалела молодую девчонку.

— Уколы умеешь делать? Системы ставить? Клизмы? — спросила она Машу. Та кивнула.

Но после того, как Маша и две её подельницы убили конвоира из его табельного оружия при попытке побега из ИТК, в медчасть её назад не вернули. Суд состоялся прямо в колонии, новый приговор зачитали там же. Стукалину отправили сначала на полгода в штрафной изолятор, а потом перевели в общий цех рядовой швей. До конца своего срока Маша шила рукавицы, фартуки, косынки и спецовки для советских заводов и фабрик. В середине девяностых правда заказов стало кратно меньше – государственные предприятия медленно умирали по всей стране вслед за самой страной Советов.

Увидев справку об освобождении и количество лет, которое Стукалина провела за колючкой, женщина слилась со своей серой кофтой.

— Извините, ничем не могу вам помочь! — процедила она и отвернулась от Маши.

Неспешно идя по Васильевскому острову к Неве, Маша повернула голову и увидела оптимистичную табличку на двери старинного, обшарпанного дома: «Психиатрическая больница номер семь». Ниже приколотая скрепкой бумажка: «Требуются санитарки с проживанием!». Стукалина смело толкнула дверь и вошла в лечебницу.

Петербург, 2019 год

Герман застал отца на кухне. Тот жарил блины и заворачивал в них мясной фарш.

— О, ты вовремя! — радостно воскликнул Алексей Германович, ставя блюдо с блинами на обеденный стол. — Мой руки!

— Отец, я ездил во Всеволожск. — Герман сел и, сложив руки как первоклассник, посмотрел на Наумова-старшего.

— И что ты там делал? — отец весело перевернул поджаренный блин на другую сторону, подкинув его на сковородке.

— Я возил туда Ольгу. Принял решение передать ей этот участок. Она и её муж построят там свой психологический центр.

Наумов-старший повернулся к сыну.

— Ты куколд у меня что ли, сынок? Куколд-меценат?

Герман потянулся за блином, который лежал перед ним на тарелке, но отец отодвинул от него блюдо.

— Послушай! Твоё гипертрофированное чувство вины перешло уже все границы! — строго сказал Алексей Германович. — Тебе надо обследоваться! Это называется гиперфиксация!

— Ты не понимаешь! Мне снится этот ребёнок! То девочка, то мальчик! — вскричал Герман. — Мне снится то младенец, то школьник, то подросток... И везде рядом с ним Ольга. Онемевшая, заплаканная, в чёрном платке! Я не могу так больше! Мне нужно было с ней увидеться, поговорить и как-то загладить вину! — не унимался сын, выкрикивая это и глядя отцу в глаза.

— Увиделся? Поговорил? — стукнул кулаком по столу Наумов-старший так, что подпрыгнуло блюдо с блинами, а из белого фарфорового молочника с нарисованной золотом коровкой выплеснулись сливки.

Герман вскочил из-за стола и забегал по огромной кухне.

— Да, да, да! Я увиделся с ней! Я хочу, чтобы она простила меня! И только тогда я смогу простить себя! И тебя! И она захотела разговаривать со мной! Захотела! И мы пообедали! Потом я предложил этот участок... Как инвестор! — он нервно потирал ладони.

Наумов-старший схватился за голову, поставив локти на обеденный стол. Лучше бы Герка вообще ничего ему не рассказывал! Он не считал его деньги и имущество. Но сейчас отцу было не по себе. Алексей Германович видел, что одержимость его сына Олей Самойловой была уже патологической.

— Но и это ещё не всё! — немного успокоившись, сказал Герман. — Отец! Ты должен меня выслушать и понять! Ты тоже виновен в убийстве нашего ребёнка! И ты должен принять участие в искуплении нашей общей вины!

— Герман! Какой вины? В чём я виноват? В том, что не дал сломать тебе жизнь? В её животе не было ещё никакого ребёнка, это был зародыш! — отмахнулся в очередной раз от сына Наумов. — Пожалуйста, уйди! Не надо мне рассказывать про эту женщину и свои сны! Ты сошёл с ума и хочешь свести с ума меня!

— Я отдал Ольге участок, а ты дашь ей десять миллионов на строительство помещений! — отрезал Герман. — Она не может иметь детей! Поэтому должна получить возможность хотя бы заниматься любимым делом, отец! Отец! — он с тревогой посмотрел на Наумова-старшего.

Алексей Германович застыл, облокотившись на один локоть, и схватился за сердце. Он смотрел на сына и хватал воздух ртом. Губы его синели, а глаза западали. Отец попытался протянуть правую руку сыну, а тот не успел её подхватить. Наумов-старший упал лицом в стол. От удара опрокинулся молочник с нарисованной золотой коровкой. Лужица сливок потекла по красной скатерти на пол.

Глава 4. Мышиный оскал

Петербург, 2020 год

В январе не успели отгреть куранты, как во всём мире заговорили о новом странном вирусе, который быстро разносился по планете, оставляя за собой кровавый шлейф из жертв. Люди умирали от болезни, которая поражала органы дыхания, предварительно лишив заболевшего обоняния и вкуса. Смерть от удушья — страшный конец. Официальной версией возникновения вируса стала заражённая в лабораторных условиях китайская летучая мышь. Нулевой пациент был обнаружен якобы в Ухани. Дальше версии разнились. По одной — эту заразную мышь он съел и получил инфекцию. По другой — мышь сама напала на человека и укусила его, заразив ядовитой слюной. Но, как говорится, уже неважно, «кто у кого украл ложки, если осадок остался».

К марту международные организации заговорили о полноценной пандемии. Врачи со всего мира начали искать вакцину, которая поможет избежать заражения, и лекарство, которое будет ускорять выздоровление уже заражённых. А пока страны закрывали границы, устанавливали пропускные посты внутри городов, вводили комендантские часы, пропуска и графики работы социальных учреждений. В один момент почти всё население планеты посадили на карантин под замок. Нарушение самоизоляции наказывалось штрафами. Улицы Петербурга опустели, а палаты стационаров распирали от числа поступающих. В конце года власти города примут решение построить новые мобильные стационары из-за того, что имеющиеся больницы не справились с трафиком пациентов. Самым ходовым товаром, кроме молока и хлеба, стали санитайзеры, медицинские маски и резиновые перчатки. На улицу следовало выходить только «со средствами защиты». Хотя от беспечных шатаний по городу Смольный просил воздержаться. Уважительными причинами для выхода во время самоизоляции были поход в магазин, аптеку или выгул собак. Собаки, жившие в семьях, где было несколько взрослых, через неделю на самоизоляции при слове «гулять» начинали прятаться.

— Президент объявил последнюю неделю месяца нерабочей! С сохранением заработной платы! До начала апреля! Сейчас — середина марта! — крикнул Олег из гостиной. Ольга варила кофе на кухне. Выглянув, она поджала губы, бросив взгляд на телевизор, где транслировали новости.

— Неделя — это ерунда... Отдохнут немного граждане от офисов. С семьёй пообщаются, потом активнее на психотерапию будут записываться! А там глядишь, и на апрель, и на майские продлят карантин! Главное начать, а потом войдут во вкус!

— Оля, ты такая эмпатичная! — хохотнул Ковров. — А ведь с непривычки дома находиться неделю с семьёй, орущими детьми и престарелыми родственниками — это действительно опасно для психики! Или месяц!

— А я тебе про что говорю! Надо сейчас выпустить быстро гайд по этой теме и сделать акцию на сессии. Мы будем работать онлайн и заработаем ещё больше, поверь! — Оля небрежно махнула рукой. — И ещё нам нужно будет поехать завтра во Всеволожск, дорогой. Звонил прораб.

Когда в прошлом ноябре Герман Наумов предложил передать в безвозмездную аренду участок земли в области, Ольга не стала долго сопротивляться. Она понимала, что Герман чувствует себя очень виноватым перед ней. Говорить о своих многолетних переживаниях мужчине было трудно, но пока они ехали в машине, Наумов всё же не выдержал:

— Оля, прости.

— Герман, прошло много лет... — Коврова отвернулась от него и смотрела, как за окном мелькает мокрая, грязная дорога. С неба летел мелкий пушистый снежок, но таял, даже не успев приземлиться на асфальт.

— Скажи, у тебя с Ковровым нет детей, потому что вы не хотели, или потому что ты больше не можешь иметь детей? — прямо спросил Наумов.

— Герман! Ты совершенно бестактный! — вспыхнула Ольга. — Как можно спрашивать о таком?

— Я имею право спрашивать о таком, потому что я виновник твоих бед. Только я, — ответил Герман, не отрывая взгляда от дороги.

Коврова повернулась и несколько секунд внимательно смотрела на строгий профиль Германа. Он был таким всю жизнь: прямым, собранным, конкретным, негибким, но в то же время ранимым. Когда-то она его действительно очень любила. Они могли разговаривать на любые темы часами. Герман всегда имел свою неповторимую точку зрения и яростно её отстаивал. Оля всегда с ним соглашалась, чтобы не накалять обстановку. А ещё Наумов был предельно честен. Иногда говорил о таких вещах, о которых вслух как будто неудобно, но... Герман говорил то, что думал. И делал то, о чём говорил. Был решительным и самостоятельным. Но при этом абсолютно зависел от мнения своего отца Алексея Германовича. Он любил его слепой сыновней любовью и слушался беспрекословно. Ольга хорошо помнила мать Германа — Елизавету Петровну, искренне её любила и горевала от столь раннего и внезапного ухода умной и доброй женщины. А вот Алексея Германовича Оля Самойлова боялась. И, как выяснилось, не зря.

Сейчас, глядя на Германа, который напрямую спрашивал её про возможность иметь детей, Оля решила не лукавить.

— Я не могу иметь детей после того, как избавилась от нашего с тобой ребёнка, Герман! — отрезала Коврова.

Герман в ту же секунду перепутал педали, машина взвизгнула, затормозила, а потом рванула по трассе вновь. На его глазах выступили слёзы. Оля снова отвернулась и смотрела в окно.

— Скажи, какие условия ты хочешь выставить для своего инвест-предложения? — перевела Коврова тему.

— Один рубль в месяц. Аренда на девяносто девять лет.

— Понятно.

— В проект ещё будет дополнительно вложено десять миллионов рублей. Они пойдут на ремонт, реставрацию или строительство. Это мы обсудим отдельно. Эти деньги не нужно будет возвращать, — Герман крепко держал руки на руле и смотрел на дорогу, не мигая.

— Мой муж очень против того, чтобы я принимала у тебя участок на условиях ниже рыночных. Он согласен платить аренду по обычной ставке. У нас есть деньги.

— Пусть платит по обычной ставке. Откладывай эти деньги, — просто ответил Наумов. — Я был бы рад жениться на тебе... Хоть завтра.

— Герман, это исключено! — выдохнула Ольга.

— Почему? Ты так сильно любишь своего мужа-психолога? Он настолько талантлив и оригинален? — усмехнулся Герман.

— Мы давно уже нечто большее, чем просто муж и жена. И, прости, Герман, я не буду посвящать тебя в подробности нашей семейной жизни. Я не буду разводиться с Олегом. И да, я храню ему верность. Как и он мне.

В день, когда случился этот непростой разговор, умер его отец. Наумов-младший очень тяжело переживал смерть Алексея Германовича. Позже он сказал Оле, что перед смертью они повздорили и тот умер, пытаясь объяснить сыну свою точку зрения.

— Оля, я передаю все документы на участок тебе, также десять миллионов рублей и уезжаю в Берлин. Минимум на год, а там посмотрим. Не могу находиться в городе, где у меня не осталось близких, — сказал ей Наумов вскоре после похорон отца.

— А в Берлине они есть? — спросила Оля. Они сидели в той же кофейне у Адмиралтейской, где впервые встретились спустя долгие годы.

— Да, там мои друзья. Мне с ними будет легче. Я буду писать тебе по имейлу. Надеюсь, что будешь хотя бы иногда отвечать.

— Всегда буду, Герка. Всегда. — Оля протянула руку и положила ладонь на небритую щёку Наумова. Тот поймал её и быстро поцеловал. Они замолчали и пару минут смотрели в глаза друг другу.

Регина ждала Олега в своей машине. Тот, усевшись на переднее сиденье, кивнул на экран телефона, который девушка закрепила на передней панели.

— Что это?

— Это ваша жена, Олег Романович! И её семинар в записи! Не узнаете? — хохотнула Панченко.

Ольга Коврова яростно рассказывала женщинам в зале о том, как выживать в современном мире:

— Вы не должны стесняться говорить о том, что у вас сучий характер. Вы не должны притворяться хорошей и послушной, если вы внутри воин! Вы должны быть войном... — размахивала Ольга руками и мерила шагами периметр зала.

— Выключи! — поморщился Ковров. — И не слушай никого, кто тебе советует стать воином и суконь.

— Почему? — Регина завела мотор, и машина тронулась.

— Потому что вас всех обманывают. Понятие «сильный характер» маркетологи подменили понятием «сучий характер». Знаешь разницу между этими понятиями? — Олег повернул голову и насмешливо посмотрел на Регину.

Девушка помотала головой, не отвлекаясь от дороги. Они выезжали на Литейный мост, осторожно лавируя между рядами в плотном питерском трафике.

За три месяца Регина и Олег очень сблизились. Их общение уже вышло за рамки обычных терапевтических сессий. Теперь Регина, зная о его графике передвижения по городу, просто писала ему: «Я подъеду к трём. Выходите». И он выходил. Садился в машину, а девушка везла его на очередную встречу или лекцию. Иногда оставалась с ним, если он просил. Принципиально Панченко никогда не подвозила Коврова только к их с Ольгой дому. Иногда в плотном графике они успевали пообедать или заскочить в булочную на кофе. Но виделись не каждый день. Регина продолжала заниматься своим блогом, только теперь уделяла ему гораздо меньше времени. Много из старой жизни для неё теперь потеряло смысл. Например, ей не хотелось брать интервью, как раньше.

— Какое такое своё бесценное мнение она нам выскажет? — морщилась Регина, когда продюсер предлагала ей очередную кандидатуру на съёмку. — Инфлюенсер? Лидер мнений? Чьих? Праздных маргиналов? Амбассадор бессмысленных трендов в соцсетях? Популяризатор иждивенчества?

— Регина, что ты так набросилась на этих дам полусвета? Их хорошо смотрят и комментируют! Потому что одну половину зрителей эти девки раздражают, а вторая половина хочет быть на них похожими! — смеялась продюсер Ангелина.

— Не хочу! Надоели эти прошмандовки! Как и те, которые строят из себя нишевых нетакусек, снежинок и интеллектуалок... Все звенят как пустые вёдра.

— Хорошо! Вот есть ещё вариант. На съёмки сериала приезжает молодой, но перспективный актёр из Москвы. Это который космонавта играл, рыжий такой, помнишь? Очень девочкам нравится. Мы можем под него интеграции найти. Позовём? — не отчаивалась Ангелина.

— Да, этого можно... — обречённо махнула рукой Панченко. Деньги, конечно, нужно было продолжать зарабатывать.

Осенью 2019 года Регина развелась с Юрой и перестала общаться со своими родителями. Те даже вычеркнули единственную дочь из завещания, настолько были оскорблены её публичными признаниями. Прежний привычный круг общения девушку тоже привлекал всё меньше и меньше. Посиделки в модных барах с такими же модными мальчиками и девочками прежнего удовольствия не приносили. Дорогие тряпки из бутиков тоже не радовали. Дом звенел пронзительной пустотой. Иногда Регина даже скучала по Юре, который долго являлся неотъемлемой частью дорогого интерьера. Ей хотелось новых эмоций и, главное, новых смыслов. Девушка списывала всё на временный личностный кризис и «трансформацию», которые были «неизбежной частью терапии роста». Так говорили из каждого утюга новомодные психологи. Регине нравилось проводить время только с Ковровым или наедине с самой собой.

И вот Олег завёл беседу про женские характеры.

— В чём разница между сильным женским характером и сучьим женским характером, Регина? — повторил он, приглашая её вовлечься в дискуссию.

— В первом случае женщина делает всё сама, а во втором — при помощи мужчин, потому что умеет ими вертеть? — предположила Панченко.

— Нет. Вот тут ты и попалась! Вас всех обманули! — Ковров ткнул пальцем на экран мобильного, где застыла в кадре его жена — известный женский коуч. — Сильный характер — это следствие сформированного внутреннего стержня, который даёт тебе чувство уверенности в себе и позволяет не отлетать от лёгкого бриза, который может в любой момент подуть в жизни.

— Например? — миролюбиво согласилась Панченко, косясь на Олега.

— Например, ты познакомилась с мужчиной, и вы пошли на свидание. Оно прошло хорошо, он проводил тебя до дома, но больше не перезвонил. Если ты уверена в том, что ты в порядке априори, то не будешь биться головой о стену и названивать ему, чтобы узнать в чём дело. Потому что тебе нет дела до его сомнений или каких-то третьих факторов, которые мешают вам построить отношения. Самый частый вариант — твоя внутренняя уверенность перекрыла ему кислород, и он понял, что слабее тебя. А это уже дисбаланс. Потому что мужчины не любят себя чувствовать слабее женщин. Твоя личная сила заключается в спокойном принятии этого момента.

— А почему ещё мужчина может не перезвонить после свидания? — уточнила Панченко.

— Ты оказалась слишком непохожа на всех его предыдущих женщин, и он не знает, что с тобой делать. Взял паузу, она затянулась. А потом уже стало поздно, неинтересно, неактуально. Страшно в конце концов! И снова — ты тут не при чём! При условии, если ты вела себя на встрече адекватно. Ты понимаешь, о чём я! Внезапный стриптиз на столе в разгар ужина в дорогом ресторане — это тоже разрыв шаблона, не спорю! Или другой пример, когда проявляется сильный характер и внутренняя опора. Вот сейчас в мире разносится новый вирус. И люди паникуют. Кто-то пророчит апокалипсис, дескать, это чума такая на наши головы. Кто-то говорит, что это заговор мирового правительства. Про теорию «Золотого миллиарда» слышала? Главное здесь то, что паникёры перемрут от этого вируса первыми. Те, кто не будет придавать слишком большого значения этому карантину, а будут стараться продолжать жить свою жизнь, выживут.

— Я поняла. Понимание самооценности и когнитивная устойчивость. Это если в общем. Не только про неудачные свидания. А сучий характер — это что?

— Это антипод характера сильного. Сукой женщина становится от внутренней неустойчивости. От непрекращающейся внутренней истерики. Её штормит, мотает из стороны в сторону, она не может поверить самой себе, другим... Внутри неё всегда война. И она всегда с кем-то воюет на внешнем контуре. Неважно с кем: с женщинами, с мужчинами... Она не может удержать в себе боль и истерику, — объяснял Ковров, посмеиваясь. — И на таких истеричек слетаются как мухи на мёд. Потому что ими легко манипулировать.

— Так! А в чём обман маркетологов?

— В том, что вам продали идею: быть сукой модно! Мы приехали! — Ковров махнул рукой.

Машина Регины остановилась у Свердловского сада.

— Увидимся на неделе? — спросила Панченко.

— Я бы хотел, чтобы мы вместе съездили в одно место, Регина... Я не рассказывал тебе раньше. Это в области. Во Всеволожске. Что скажешь насчёт четверга?

— Хорошо, поедem в четверг, — кивнула Регина. — Вдвоём?

— Да, — коротко кивнул Ковров.

Шлиссельбург, апрель 2020 года

— Выпустите меня! Выпустите! Мама! — тоненький девичий голос, срывающийся на истошный крик, было слышно далеко за территорией трёхэтажного кирпичного особняка, обнесённого высоким каменным забором.

На первом этаже дома в гостиной перед телевизором сидели мужчина и женщина.

— Коля, мы так и будем делать вид, что ничего не происходит и нам интересны исключительно новости Ленинградской области? — не выдержала женщина.

— Вы не имеете права меня запира́ть дома! Я всё равно доберусь до телефона! — продолжала кричать откуда-то сверху девушка.

— Ира! Мне нужно подумать! Я не могу сосредоточиться! — мужчина вспылil и резко встал с дивана. — То, что происходит сейчас с Ксенией, — результат твоего воспитания! А действий, решения этой задачи ты теперь требуешь от меня! — шипел он.

— То есть дочь-наркоманка — это исключительно моя зона ответственности? Ты в своём уме? А ты, Коля, не занимался её воспитанием? Ты, Коля, не баловал её и не позволял делать всё, лишь бы она не мешалась под ногами? А? Что ты молчишь? — завопила Ирина и тоже вскочила с дивана.

— Ты двадцать лет сидела дома и всем говорила, что занимаешься воспитанием Ксении! Дегradировала и не смотрела ничего умнее сериалов для домохозяек! Ты не подпускала меня даже к выбору школы и университета! Ты заверяла меня в том, что дочь хорошо учится и у неё отличная компания интеллигентных друзей! — махал руками Николай.

— Да ты и не хотел ничего выбирать! Ты всю жизнь живёшь только своей работой! Политикой и депутатством этим! Это твоя семья! Это твои дети! Зачем ты вообще женился, Коля? Тебя бы никто сейчас не раздражал!

— Когда я доберусь до телефона, я позвоню журналистам! И тогда посмотрим, как наш папочка снова переизберётся депутатом! — раздался сверху демонический хохот Ксении. — А рано или поздно я отсюда выйду!

— Ира!.. — голос Николая стал ниже. — Надо что-то решать! Она не шутит!

— Дайте мне просто уехать! И живите как хотите! — Ксения неистово дёрнула ручку двери, пытаясь вырваться из комнаты, в которой её заперли родители.

Депутат Законодательного собрания Ленинградской области Николай Соколов пристально посмотрел на супругу. Та под напором его взгляда отступила назад.

— Нет, Коля... Мы это обсуждали... Только не это, пожалуйста! — взмолилась Ирина.

— У нас нет другого выхода! — отрезал Соколов.

— Я не могу позволить Коле сдать нашу дочь в рехаб! Я слышана, как там издеваются над наркоманами! Их бьют, пытаются, морят голодом, истязают... — Ирина Соколова сидела в кабинете психолога Ольги Ковровой.

Осенью 2020 года в Ленинградской области должны были пройти очередные выборы депутатов Законодательного собрания. Николай Соколов в области был человеком очень влиятельным. Что называется, на хорошем счету: солидный стаж идеологической работы, член партии власти с момента её образования, в неплохих отношениях с губернатором и силовиками, что было первостепенно важно. Кандидатуру Соколова под новые выборы согласовали, оставив за ним прежний округ, однако по какой-то причине допустили на его «поляну» весьма сильного конкурента от новой молодой партии, недавно прошедшей барьер и попавшей в федеральный парламент. Конкурент был молодым, красивым, резвым, хорошо говорил и разбирался в повестке. Звали его Сергей Филатов.

— Павел Степанович, это что же? — растерянно спросил Соколов куратора выборов, увидев рядом в списке со своей фамилией этого самого Филатова. — Всегда ж... зачищали вроде... Неужели санкционированный?

— Николай Васильевич, «это» у нас «демократией» называется! А не то, что вы там себе напридумывали! — рявкнул Павел Степанович. — Идите и работайте! Вы на этом округе четыре срока отмотали! Что вы молодняк не перекусите? У вас актив, бэкграунд, добрые дела, честное имя, пиарщики, в конце концов!

Из кабинета куратора Соколов тогда вылетел пулей. Но в дальнейшем тревога только нарастала. Филатов взялся окучивать округ очень резво. Добрался разом и до стариков, и до молодёжи. Везде ему был «зелёный свет» и согласованные мероприятия.

Внезапно, как снег на голову, Соколову упала новость о том, что его единственная дочь Ксения — наркоманка. Жена знала об этом два года и молчала! Теперь, когда настал такой ответственный момент — начало избирательной кампании, дочь задержали с наркотиками в клубе. Нажав на все «красные» кнопки, Соколов кое-как отмазал Ксению от уголовного дела и запер её дома. А теперь эта дрянь грозит рассказать всё журналистам! Какой подарок конкурентам! От такого позора уже не отмоешься! Дочь нужно было срочно изолировать. Однако Ирина устроила грандиозный скандал. Недавно федеральные телеканалы облетел леденящий душу сюжет о том, как в реабилитационных центрах на самом деле лечат наркозависимых.

— Ирина, я могу вам сказать совершенно точно, что наркомания лечится только при активном желании на то зависимого и при помощи веры в бога. Другого пути нет, — Ольга Коврова внимательно слушала Соколову и кивала головой. Ирина посещала сессии уже год — психолог была хорошо осведомлена о проблемах этой семьи.

— Я понимаю, что Ксению надо сейчас изолировать! И Коля должен переизбраться! Но я не могу отдать её абы куда! В неизвестность! В рехабе её покалечат ещё больше, я просто уверена в этом. Или она там вообще на иглу сядет... — Ирина заломила руки, и из её глаз полились слёзы.

Ольге не было её жаль — сами виноваты, подумала она. Откупались от дочери и получили предсказуемый результат. Мысли психолога были заняты собственными проблемами.

Участок площадью два гектара под Всеволожском, который фактически подарил ей Герман Наумов, обрёл новую жизнь. Теперь здесь, помимо двухэтажного солидного дома, располагались два гостевых, небольшая теплица, баня и уютные беседки. Ольга и Олег решили учредить Академию духовного развития «Пробуждённые». Проводить семинары и ретриты планировалось именно здесь. Однако был нюанс с разрешительными документами. Из-за бюрократических проволочек дело застопорилось. Ковровы сильно дёргались, потому что уже получили несколько заявок от своих клиентов, которые хотели бы попасть в Академию и «пробудиться».

И тут Ольгу осенило.

— Ирина, — она коснулась руки Соколовой, — кажется, что я смогу вам помочь!

— Как же? — всхлипнула жена депутата и с надеждой посмотрела на Коврову.

— Мы с моим мужем открыли Академию духовного развития, но есть небольшие проблемы. Если бы ваш муж, как депутат, помог нам их разрешить, мы смогли бы взять к себе вашу дочь, пока идёт избирательная кампания! Поверьте, у нас она будет в безопасности!

Через три дня Академия Ковровых была официально открыта.

— Наша встреча окончена! Благодарю всех! — Ковров слегка поклонился залу, в котором два часа читал лекцию о духовном пробуждении.

Люди начали неспешно идти к выходу. Олег всё ещё стоял за трибуной, на которой лежали его записи, пульт от экрана и мобильник. С последнего ряда кресел поднялась и пошла к нему пожилая хромая женщина. Она опиралась на большую, кривую клюку. Ковров как замороженный смотрел на дырки, которые оставлял крючок клюки на старом паркете. У него было странное ощущение, будто на него надвигалось что-то необъяснимое и ужасное. Дук-дук-дук — крюк врезался в доски. Шарк-шарк-шарк — волочились ноги старухи в чёрном. Наконец она дошла до него.

— Меня зовут Мария Петровна Стукалина, — представилась старуха. Ковров посмотрел в её тёмно-серые глаза. Оттуда смотрела бездна. На носу старухи росли несколько волосков. Кожа её была сморщенная, жёлтая, обветренная. Губ почти не было видно, как и подбородка. Голова под чёрным платком. Ковров подумал, что нижняя часть челюсти старухи была давно сломана и неправильно срослась. Он смотрел на неё, как загнипнотизированный.

— Я хочу спросить вас, не требуются ли вам в ваш новый лагерь отдыха сотрудники? У меня большой опыт работы с людьми, — сказала Мария.

— Эээ.. это не лагерь отдыха... простите, как вы сказали, Мария Петровна... Это Академия психологии. Мы будем там заниматься духовными практиками... — промямлил Ковров.

— Кто-то должен присматривать за постояльцами, пока вы не преподаёте им духовные практики. Не так ли? Я не прошу большую зарплату. Но проживать буду там, в лагере, — сухим тоном, не терпящим возражения, сказала Стукалина. — У меня есть несколько идей, Олег Романович. И я рада буду с вами ими поделиться.

И Ковров не смог сказать ей «нет». Так Маша Стукалина, уволенная накануне из хосписа за истязания пациентов, была принята на должность заведующей хозяйством Академии психологии «Пробуждённые». Ковров позвонил Регине, которая теперь занималась всей документацией Академии и была личным референтом Олега, и коротко сказал:

— Нужно будет официально оформить сотрудника — завхоза. Тебе позвонят.

В конце апреля стало известно, что карантин будет сохраняться в стране ещё несколько месяцев. Вирус, который понесла по миру китайская летучая мышь, распространялся со страшной скоростью. Каждый день публиковались страшные сводки о числе заражённых и умерших. Умирало действительно много людей. По всему миру. Вакцину пока не разработали, и пациентов лечили буквально подручными средствами. Врачи героически боролись за каждую жизнь, нередко сами становясь жертвами, которые приносились на алтарь той самой смертоносной летучей мыши...

Весь мир захватила самоизоляция: люди сидели по домам, а если и выползали на улицы, то ненадолго и в средствах защиты. Формат удалённой работы стал нормой. Закрылись школы, садики, вузы, кафе, библиотеки, парки, спортзалы, салоны красоты, творческие кружки, театры и другие учреждения, которые ранее были привычной частью нормальной социальной жизни человека. Города патрулировали полицейские — высматривали нарушителей санитарного режима. В пик эпидемии власти предупредили, что правоохранители получили полномочия

штрафовать прохожих за отсутствие маски и перчаток. По пустынным улицам мегаполисов проезжали редкие автобусы, в которых почти не было пассажиров. Жизнь замерла, и казалось, что картинка из триллеров про апокалипсис больше не является плодом воображения писателей-фантастов. Словно в насмешку, апрель и май выдались очень тёплыми и манящими...

Ещё в апреле особенно прозорливые люди поняли, что из больших городов надо бежать — на грядущее лето так точно. Большим спросом начали пользоваться дачные и деревенские домики. Петербуржцы и москвичи хватали их как горячие пирожки. Вдали от мегаполисов не было жёстких запретов. Да, там не было и привычных благ цивилизации вроде доставки продуктов к порогу. Но зато в деревне можно было выходить гулять в поле или в лес, не натягивая на себя ужасные маски-намордники и резиновые перчатки.

Часть II. Пробуждённые

Глава 1. Редакция требует...

Петербург. Апрель 2025 года.

Грузная женщина в сером платке на голове и обшарпанной кожаной куртке с трудом поднялась по высоким ступеням автобуса и влезла в первую дверь. Отдышавшись, она начала пересчитывать сидящих на креслах пассажиров, тыча пальцем в ряды.

— Три, шесть, девять, двенадцать, пятнадцать... Так, тут... три, шесть... Вроде все! Коля, все на месте! Поехали! — бросила она через плечо бородатому водителю. Тот коротко кивнул, и двери автобуса захлопнулись.

Женщина уселась на свободное сиденье, на спинке которого была скотчем приклеена ламинированная надпись «Не занимать! Место организатора!».

Автобус неспешно обогнул Казанский собор и вырулил на Невский. Ранним утром группа паломников выезжала из Петербурга в сторону Всеволожка на экскурсию по святым местам.

— Ох, в шесть утра выезд... Рано конечно! Так тяжело вставать!... — завела разговор шустрая пенсионерка в розовом пуховике, сидевшая прямо за спиной организаторши. — Апрель — тяжёлый месяц, переходный... Да? — она толкнула под локоть сидящую рядом интеллигентную женщину лет сорока пяти в драповом пальто, которая, откинув голову на спинку, равнодушно смотрела на мелькающие за окном уличные огни. — Вы как встали?

— Спасибо, хорошо! — ответила женщина, не поворачиваясь к жаждущей общения даме в розовом.

— А я ещё еле соседку свою добудилась! Стучу ей, стучу! Не слышит! — не обратила внимания на равнодушный тон товарки пенсионерка. — Она же китаянка у нас! Вот, с собой взяла! Живёт как неприкаянная, одна! Ну я её на поруки решила взять!

Не желающую слушать про неприкайнную китаянку женщину в пальто спасла организаторша. Поняв, что говорливый «розовый пуховик» сейчас перебаламутит всех, кто оказался с ней рядом, она решила принять удар на себя. Перегнувшись через подлокотник, она выглянула из-за кресла и с интересом спросила:

— А как же вы с ней разговариваете? По-китайски? По-русски?

— Ой, что вы! Тут такая история долгая! — всплеснула руками пенсионерка, явно одобренная проявленным интересом. — Сейчас расскажу! Она живёт прямо подо мной! Вон она едет на седьмом ряду! — женщина показала пальцем назад. — Видите? В серой шубке! Так вот! Месяц назад ей какой-то мужик на Сенной продал щенка таксы! За пятьдесят тысяч! Стоял на улице с щенком! Говорит, если не продам сейчас, то пойду утоплю в канале! А эта уши-то развесила и отдала пятьдесят тысяч рублей за псинку! Домой принесла! Ну спасла, получается! А щенок давай выть днём и ночью! Всю парадную на уши поднял! Мы уж полицию вызвали! Оказывается, псинка не понимает по-китайски! А эта команды отдаёт! Не понимают друг друга! — с наслаждением верещала пенсионерка.

— Ох, вот это история! — искренне рассмеялась организаторша.

— Так вы слушайте дальше! Приехала полиция поздно вечером! Дескать, жалуются на вас граждане! А она с ними через телефон разговаривает! Через переводчик! Ну, знаете так... говоришь на своём языке, а программа переводит на какой надо! — пенсионерка захлёбывалась от восторга. — В итоге полицейские поговорили с собакой по-русски, та хвостом завиляла! Признала своих-то! Тут соседи сбежались! Собаку жалко! Девчонку жалко! Такса ей всю мебель в квартире перегрызла!...

— Ну а чем кончилась история? — не выдержала настолько душещипательных подробностей женщина в платке.

— Чем кончилась? Таксу пристроили в добрые руки! Мужик какой-то сосед в Сестроречке в частном доме разводит такс! Ему передали! Китайка добровольно отдала! Вот попала девка! И на пятьдесят тысяч, и на ремонт в съёмной квартире! Дела!

— Понятно! — раздражённо отстранилась от пенсионерки организаторша. Но та вцепилась в её подлокотник мёртвой хваткой.

— И я потом к ней снова пришла! На следующий день! К девчонке! Пирожков принесла с капустой! Я знаю, что они едят всяких жуков да рис с лапшой! Жалко мне её! Ну и говорю, что, мол, собираются приличные люди на экскурсию в область по святым местам! Поехали с нами! Хоть посмотришь, как русские живут на самом деле! Не все же мошенники! Вот так! — пенсионерка наконец выдохлась и откинулась на спинку своего кресла, победоносно глядя на организаторшу. Та облегчённо вздохнула и отвернулась.

Через полчаса водитель объявил, что автобус прибывает к месту назначения. За окном уже окончательно рассвело. В воздухе витала тонкая морозная дымка, какая бывает ранним весенним утром.

— Дорогие братья и сёстры! Мы прибыли! Просьба подготовиться к выходу! Женщины, просьба надеть платочки! — скомандовала организаторша. — Нас встречают.

За окнами автобуса был виден добротный каменный забор, за которым торчали две острые, покрытые зелёной и золотой глазурью шапочки высоких зданий, напоминающих пасхальные куличи. У забора стояла пожилая чуть сгорбленная женщина в чёрной длинной рясе. Она тяжело опиралась на клюку и, слепо шурясь, смотрела на подъехавший автобус.

Организаторша вышла через переднюю дверь и, переваливаясь как утка, тяжело подошла к женщине в рясе.

— Сестра Мария, здравствуй! — поклонилась она. — Вот и прибыли мы.

— Здравствуй, Анна! Молодцы, молодцы! — прошамкала та. — Скоро начнутся чудеса...

— Уважаемые пассажиры! На первую платформу прибывает скоростной поезд «Сапсан» рейсом 762 «Москва — Санкт-Петербург». Встречающих просьба отойти от края платформы! Будьте осторожны! — над Московским вокзалом раздался металлический и чуть гнусавый голос диспетчера.

Валера Смородников застыл на платформе как монумент, сложив руки на груди. Поезд подошёл, и через две минуты перед ним открылись двери третьего вагона. Из него вышла бортпроводница в сером плащике и красном берете. Следом посыпались пассажиры. Увидев, как двери подходит высокая кудрявая блондинка, Смородников молча, без суеты подошёл ближе, подал ей руку и забрал тяжёлый чемодан.

— Здравствуй! — он слегка обнял девушку и вдохнул сладко-пряный аромат, который источали её длинные волосы.

— Здравствуй, Валера! Спасибо, что встретил, — ответила Фаина.

— Что в чемодане? Надеюсь, спонсорские деньги на редакцию? Тяжёленький! — хохотнул Валера и, подставив локоть под руку блондинки, уверенно повёл её к выходу.

— Если бы! Редактор очень нами недоволен. И особенно отделом продаж...

Молодые люди растворились в потоке пассажиров, который вынес их на площадь Восстания.

Через час в редакции петербургской газеты «Белые ночи» собралась внеплановая летучка. Главред Георгий Сергеевич Пшеницын — полный, с одышкой, в очках, мужчина сорока пяти лет — сидел в кресле во главе длинного стола. Он обмахивался газетой, на обложке которой была размещена фотография губернатора города в строительной каске под заголовком

«Мы вернём доверие петербуржцев к долевному строительству!». Справа от Пшеницына сидела спецкор Фаина Кострова, только что прибывшая из командировки; рядом с ней — Смородников, заместитель главреда. Напротив расположились другие сотрудники редакции: Леночка Никитина, редактор отдела политики; Оля Романова, специализировавшаяся на материалах о криминале; Дима Дугин, писавший про экономику, и директор отдела продаж Жанна Евгеньевна Шапошникова.

— Фая, то есть Москва так и сказала, что отдел продаж наш — дерьмо и вообще не справляется? — вопрошала раскрасневшаяся Шапошникова. — А они как-то усматривают связь с тем, что рекламодатели вообще идут на контент? Если материалы в издании не интересны читателю, то рекламу в газете размещать смысла нет!

— Жанна Евгеньевна! Давайте мы сейчас успокоимся, да? — устало повернулся к Шапошниковой главред, не переставая обмахиваться газетой. — Перед нами всеми, перед всем коллективом, стоит большая задача — нам надо внести правки в редакционный план на второе полугодие!

— Так давайте вносить правки, Георгий Сергеевич! Наш отдел готов немедленно обновить спецпредложения для рекламодателей! Только ваши подчинённые когда будут готовы дать новые показатели по охватам? — не унималась Шапошникова.

— Жанна Евгеньевна, дорогая! Но ваши сотрудники на то и великие маркетологи, которые должны уметь предложить клиентам спецпроекты под текущую редакционную политику! — влезла Лена Никитина.

— Лена! Под какую политику? Вот конкретно твой отдел про какую политику пишет? Про несуществующую городскую? Все уже устали читать про рекордные надои и уловы Смольного! Народ хочет сенсаций и нерва! Вы попадаете в нерв, Лена? — рывкнула продажница, резко повернувшись к ней. Никитина отпрянула и побледнела.

— Жанна Евгеньевна, вы, конечно, наш очень... заслуженный... сотрудник, но давайте оценку работе отдела политики будет давать главный редактор! Вы нам что предлагаете: самим несанкционированный митинг на Суворовском провести, чтобы хоть о чём-то громком написать? Или подрасться в автозаке на Невском? — зашипела Лена.

— Так! Успокоились все! Обе! — заорал Пшеницын. — Устроили тут балаган!

— Георгий Сергеевич! Лена права! — кинулся на защиту коллеги Дугин. — Мы не можем в «нerv», у нас есть позиция! Не хватало нам ещё со Смольным поругаться! От «нervа» до иноагентства — один шаг при наших временах!...

— Дима, ты-то куда? — повернулся к нему главред. — Мы обязательно что-то придумаем! Спокойно! Пока нас ещё не увольняют! Значит, шанс есть!

— Хотя бы тик-токи начните снимать что ли! — снова влезла Шапошникова. — Они сейчас популярны! Вот туда можно интеграшки вставлять!

В кабинете главреда повисла гробовая тишина.

— Я СПбГУ заканчивал не для того, чтобы тик-токи снимать! — буркнул Дугин.

— Ага... А я на Литейном или на Лиговке прямо буду рилсы снимать. Товарищи офицеры, улыбочку! — прошептала себе под нос Оля Романова.

Пшеницын громко шлёпнул свёрнутой газетой по столу.

— Летучка окончена! Всем задачи ясны! Копии правок есть у каждого отдела! Все за работу! Через два дня совещание и доклады! Всё, проваливайте! Кострова, останься!

Фаина, которая в это время собирала со стола разложенные блокноты, планы и ручки в папку, сморщилась.

— Фай, я тебя в твоём кабинете подожду! Дай ключ! — протянул руку Смородников. Девушка покосилась в его сторону, но, нашарив в кармане ключ, вложила его в раскрытую ладонь Валеры.

Редакция потянулась на выход. Пшеницын подождал, пока захлопнется дверь, и повернулся к Костровой.

— Так, ну давай теперь по существу. Очень злые на нас?

— Да, Георгий Сергеевич! — кивнула Кострова. — Говорят, что не в коня корм уже который год, что мы чрезмерно убыточны и вопрос о ликвидации филиала или о продолжении его работы должен быть прояснён до сентября. В сентябре читают бюджет на следующий год. И кажется, что мы уже точно не в кассу, что называется... — развела руками Фаина.

— Гм... А про смену главреда они не говорили? — уточнил Пшеницын.

— Ну кто ж мне, простому спецкору, такие вещи скажет, Георгий Сергеевич! Вы тоже умеете в юмор... — глянула на начальника Фаина.

— Так просто подозрительно, понимаешь! Созвали обучающий семинар для журналистов, а по факту устроили разбор полётов. Но тебе, а не мне. И правки эти... — пробормотал главред.

— Георгий Сергеевич! Я на ваше место не мечу, поверьте! И сама была удивлена тому, что мне пришлось за наш план отвечать! — отмахнулась Кострова.

— Да я знаю, что ты не метишь... Тут таких дураков-то нет... Расстрельная должность... — продолжал бухтеть Пшеницын. — Просто уж тогда бы сказали как есть, да я начал искать новую работу, что ли...

— Георгий Сергеевич, ну вы чего? Не раскисайте! Мы попробуем! Сейчас девяносто процентов изданий в стране убыточные! Вся реклама и инсайды у анонимов в телеге или у блогеров-распаковщиков! — Кострова встала из-за стола и дружески потрепала начальника по пухлой руке. — Пойду я? Я ведь только с поезда! Умыться бы!

— Иди, Кострова, иди... И думай! И все думайте! И про тик-токи тоже! — буркнул Пшеницын и отвернулся к окну. Монотонно накрапывал дождь. Звук каждой капли, которая падала на пыльный жестяной подоконник, гулким болезненным эхом отдавался в голове Пшеницына.

Валера Смородников — высокий, красивый, длинноногий — занимал почти всё пространство маленькой каморки, которая в редакции гордо именовалась «кабинетом». В пятиметровом помещении под лестницей особняка, где было рабочее место Костровой, раньше располагался обычный чулан, — прислуга хранила здесь веники, тряпки и тазы. Там не было даже окна, но каким-то чудесным образом уместились письменный стол внушительного размера, два стеллажа, кресло и искусственный камин. Холодно в чулане было даже в июле. Хотя каким может быть питерский июль, если ему вдруг заблагорассудится? Валера сидел в кресле и заворожённо смотрел на электрическое пламя.

Вошла Фаина.

— Валера, ты хотел поговорить по работе о чём-то или что? — устало спросила Кострова, перешагивая через ноги Смородникова и ставя сумку на стол.

— Слушай, Фай... Пока мы на летучке сидели, мне коллеги вот написали о том, что им в телеграм-канал требуется редактор. Может, интересно тебе? Всё-таки деньги. — Валера достал из кармана телефон и, пошарив в переписках, показал экран девушке.

Фаина села на стол, взяла телефон из рук Валеры и, поморщившись, почти сразу вернула.

— Ох, нет, увольте! Это сливной бачок! С ними себе дороже выйдет сотрудничать! «Такие времена настали — за что угодно можно сесть», как говорит классик. Это же жёлтая политота, она вся на контроле у спецслужб. Прихватят за бачок и унесут...

— Я переживаю из-за твоего бедственного финансового положения! — вздохнул Валера.

— Не такое уж оно и бедственное, дружище! Спасибо тебе! — усмехнулась Кострова. — Да, похороны, конечно, выбили из колеи, но я скоро выправлю ситуацию.

— Ну, а Лёшка?

— Ну что Лёшка?... Лёшка понимающий!

Месяц назад в страшном пожаре под Гатчиной погибли родители Фаины. Выжил, но сильно обгорел и сейчас находился в госпитале только её брат-восьмиклассник.

— Фаина!... — Валера встал напротив девушки и взял её за руки. — Я хочу просто сказать о том, что моё предложение о замужестве в силе! И я буду рад позаботиться о тебе и о Лёшке! Он мне как родной сын почти всю его жизнь! — Смородников повернул подбородок Фаины к себе, но та упрямо дёрнулась и попыталась освободиться, но, зажата между Валерой и столом, сделать этого не смогла.

— Валера! Ну какое замужество? Замужество из нужды? Чтобы ты нас кормил, как официальный муж, зная о том, что я не испытываю к тебе чувств как к мужчине? Да, мы дружим с тобой пять лет, но я тебя не люблю как... как мужа! — Фаина снова попыталась дёрнуться.

Смородников прижал её к себе и начал целовать в волосы, шею, лоб.

— Чувства придут! Я всё для этого сделаю, Фая! Пожалуйста, соглашайся! — шептал он.

Фаина всё же вырвала свои руки из объятий Валеры и залепила ему сильную пощёчину.

— Ты меня ещё прямо тут на столе в чулане трахни, чтобы ускорить приход нужных чувств! Пошёл вон отсюда! Видеть тебя не могу! — закричала она.

Смородников развернулся и, держась за пылающую щёку, вышел. Фаина нервно одёрнула рубашку, верхние пуговицы которой уже расстегнулись под его натиском.

Академия «Пробуждённые», апрель 2025 года

Железная дверь сарая распахнулась, и двое крепких мужчин в камуфляжных костюмах затащили внутрь упирающуюся, растрёпанную девушку лет двадцати пяти. В сарае было темно. Там и тут небольшими кучками лежало затхлое сено, груды кирпичей, лопаты, лейки, полиэтилен в рулонах. Один из мужчин, отвесив сначала девушке сочную оплеуху, прислонил её к стене. Та сползала вниз, ноги её не держали. Охранник нашарил торчащую из брёвен толстую цепь с наручником на конце и пристегнул к ней несчастную.

— Сейчас сестра Мария тебя навестит, стерва! — зло плюнул ей под ноги один из охранников.

Прикованная за руку к цепи девушка попыталась было встать, придерживаясь за бревенчатую стену, но упала от бессилия на колени и беззвучно зарыдала. Размазывая слёзы по лицу в кровавых ссадинах и раздирая пряди спутанных, засаленных волос, она в отчаянии вытянула к мужчинам левую, свободную руку:

— Прошу вас! Отпустите меня! Но это же не законно! Вы не имеете права меня удерживать! Дайте мне уйти! Я никому ничего не скажу, клянусь! Мой отец — депутат Соколов! Он заплатит любые деньги!...

Мужчины стояли рядом и не смотрели в её сторону. Затем один из них резко шагнул к двери и, приоткрыв её, впустил в сарай сестру Марию. Та вошла тяжело, опираясь на свою кривую клюку и громко шаркая башмаками. В темноте чёрная ряса старухи сливалась с пространством, были видны только белки глаз и узкая полоска лба. Мария медленно развернулась к прикованной женщине и тихо проскрипела:

— Чего же тебе не хватает, сестра? Зачем опять пыталась бежать?

Женщина на цепи повалилась на бок и завывала в голос. Мария развернулась к охранникам и указала палкой на дверь.

— Принесите очищающего чая сестре Ксении! Это наркотики так твою душу отравили! — повернулась она к девушке. — Родители за тебя так переживают! А ты...

Через несколько минут один из мужчин вернулся в сарай, на ходу отвинчивая тугую пробку термоса. Наконец он скрутил её и передал термос старухе. Из термоса потянулся густой пар и тягучий запах ила. Мария кивнула головой в сторону лежавшей и продолжавшей тихо завывать Ксении. Мужчины легко подхватили её под руки и прижали к стене. Один из них начал грубо открывать рот девушки, та упиралась и издавала страшные звуки. Второй охран-

ник помог напарнику зафиксировать Ксению и держал её за шею. К ним подошла Мария. Она начала вливать дымящуюся жижу в горло Ксении. В термосе был кипяток. Та дёргалась, извивалась, скулила, получая в это время тычки в бока. Наконец варево в термосе закончилось, и старуха отошла на пару шагов от девушки. Охранники как по команде отпустили руки Ксении, и она кулем, потеряв сознание, повалилась на пол.

Охранники и сестра Мария вышли из сарая. Один из мужчин запер сарай на замок, который висел на ржавых петлях прочной железной двери.

Мария медленно пошла в сторону большого дома. Ей навстречу попались две недавно прибывшие трудницы. Женщины, которым было около тридцати лет, закутанные в старенькие плащи и платки, тащили большой бочок, доверху наполненный кухонными помоями. Увидев Марию, они остановились и почтительно склонили перед ней головы. Мария молча кивнула послушницам и пошла дальше, стуча своей страшной изогнутой клюкой.

Академия «Пробуждённые», апрель 2024 года.

— Меня зовут Андрей Константинович Дерюгин. Я — финансист и юрист. Очень приятно! — высокий шатен с аккуратной бородкой, одетый в дорогой деловой костюм, церемонно пожал руку Регине.

Регина коротко кивнула головой и жестом предложила Дерюгину присесть за стол напротив себя. Вот уже несколько месяцев Академия искала надёжного человека, который сможет заняться её финансовыми потоками. За последний год они увеличились в сотни раз.

— Андрей Константинович, вас нам отрекомендовали как человека очень надёжного и грамотного, соблюдающего строжайшую конфиденциальность. Поэтому наш руководитель выдал мне полномочия вести с вами полностью честные переговоры, то есть рассказать про все наши источники доходов, — начала Панченко.

Дерюгин, сидевший напротив, сложил ладони шпилем, нависал над столом и внимательно смотрел на женщину. Время от времени он согласно кивал.

— Так вот, Андрей Константинович...

— Регина, у меня очень сложное отчество, называйте меня просто Андрей! — мягко вставил Дерюгин.

— Спасибо... Андрей, наша Академия соединяет в себе несколько потоков. Первый источник — это пожертвования людей, которые находятся на нашей территории постоянно. Как в пансионате. Они здесь работают, живут, отдыхают и ежемесячно перечисляют со своих доходов некие суммы на наш счёт. Это немалые деньги, поскольку у нас обеспеченные клиенты. Второй источник доходов — это выручка от продажи произведённой продукции. У нас есть теплицы, где отдыхающие выращивают овощи. Сначала мы сажали их просто для себя и для того, чтобы кормить постояльцев, но потом урожаи стали такими большими, что мы не успеваем столько съесть. Поэтому у нас налажены поставки в близлежащие фермерские лавки, — продолжала Регина.

Дерюгин внимательно слушал.

— Ещё один источник доходов — это платные лекции Олега Романовича. Он выступает перед публикой в Санкт-Петербурге и Москве. Сейчас мы работаем над тем, чтобы организовать ему большое гастрольное турне по всей стране. Просветительская миссия, так сказать... И по предварительным подсчётам, прибыль ожидается неплохой... Эти деньги тоже нужно легализовать. Мы чтим уголовный кодекс. Ещё один доход — это курсы и консультации жены Олега Романовича Ольги Борисовны. У неё есть свой коммерческий счёт, но заниматься им и всей бухгалтерией она не может, так как очень занята своим делом. Но её деньги являются также семейным бюджетом и источником для нашей Академии. Также скорее всего в ближайшее время у нас будут ещё доходы с продаж информационных продуктов или новых курсов, ретри-

тов. Я пока не могу вам точно сказать... — Панченко замолчала и вопросительно посмотрела на Дерюгина.

Андрей Константинович понял, что от него ждут реакции.

— Да, я услышал вас, Регина! — спокойным тоном ответил он. — Вашей Академии интересны финансовые инструменты, которые помогут сохранить и приумножить ваши капиталы, верно? Деньги должны работать, а не просто пылиться на счетах? Также вам нужен бухгалтер, который будет заниматься отчётностью, налогами, зарплатами... Верно?

— Да, всё так. И мы действительно очень долго искали надёжного человека, Андрей. Уже отчаялись, можно сказать, — девушка откинулась на спинку кресла и, чуть прищурившись, посмотрела на Дерюгина.

— Денис Алексеевич действительно очень попросил вам помочь, и мы имеем с ним долгую историю сотрудничества... — Дерюгин потёр переносицу. — Но он мне не сказал, чем именно занимается ваша Академия. Сейчас, слушая вас, я могу предположить, что у вас какой-то социокультурный центр? Или центр личностного роста с базой отдыха?

Панченко встала из-за стола и жестом поманила за собой Дерюгина.

— Пойдёмте со мной, я проведу для вас небольшую экскурсию. Чтобы вы были, как говорится, в материале.

Следующие сорок минут она водила Андрея Константиновича по территории, которую занимала Академия. Он увидел Большой дом, где жил сам руководитель, Олег Романович, и его жена. Там же размещались несколько залов, где проходили сеансы массовой медитации и физических практик, что-то вроде йоги. Дерюгин видел, как несколько десятков людей, сидя на полу, раскачиваются в едином ритме, монотонно повторяя один и тот же звук. В залах было много густого дыма, каких-то хитро спрятанных прожекторов, излучавших неприятный и тревожный свет. В этом свете, дыша дымом из лампад и благовоний, молились «отдыхающие», как называла их Регина.

Недалеко от дома была расположена часовня. Две острые, покрытые зелёной и золотой глазурью шапочки на ней напоминали пасхальные куличи.

Были на территории и дома поменьше — напоминавшие старинные избы-мазанки. Дерюгин насчитал их шесть. Стояли они вперемешку с добротными теплицами. В одну из них он походя заглянул и увидел красивые, ухоженные грядки с огурцами, томатами, баклажанами, сочной зеленью, болгарскими перцами.

— Ох, как тут у вас аппетитно пахнет! — восхитился Дерюгин, захлопывая дверь теплицы.

— Да! Мы вас обязательно угостим! Состав чистейший! — удовлетворительно кивнула девушка и повела финансиста дальше по территории.

Затем они вернулись в кабинет Регины.

— Вот так, Андрей Константинович! — кивнула она, усаживаясь за свой стол. — Теперь вы всё видели. Ну почти всё! И понимаете, как устроен наша Академия. — Регина открыла запертый на ключ ящик стола и достала оттуда несколько увесистых папок с документами. — Вот здесь наша бухгалтерия.

Дерюгин протянул руки и принял папки.

— У нас, к сожалению, нет свободных кабинетов, Андрей. Но вы можете использовать для работы мой. Вот, пожалуйста... — девушка дала Дерюгину ключ. — А пропуск мы вам сейчас выпишем, и на КПП вас будут пропускать свободно.

Андрей кивнул.

— Да... — лицо Регины стало строгим. — Никакого фриланса. Это требование Олега Романовича. Вся работа с документами только на территории. Ничего уносить домой нельзя.

— Я вас понял, Регина. Не волнуйтесь. Буду работать здесь. Начну разбираться прямо сегодня, — Дерюгин примирительно выставил ладони вперёд.

Регина попятилась к выходу, быстро обводя глазами кабинет.

— Ну что же... Не буду вам мешать. Работайте! Да... Сегодня скорее всего к вам подойдёт Ольга Борисовна. Она должна вам рассказать про свой счёт. Пока она работает в городе... Занимайтесь! — Панченко вышла из кабинета и тихо прикрыла за собой дверь.

Дерюгин посмотрел ей вслед, хрустнул костяшками пальцев и, открыв первую папку с документами, погрузился в их изучение.

Олег сидел в своём кабинете за столом и что-то быстро печатал на ноутбуке. Вошла Регина. Тихо, как кошка, подкралась к Олегу со спины, положила руки на плечи и нежно потёрлась носом о шею мужчины. Тот машинально ответил на ласку и быстро погладил женщину по щеке.

— Сядь! — приказал он ей и, не глядя, указал на пустой стул неподалёку от себя. — Как всё прошло с бухгалтером? Ему можно доверять?

— У него такой вид, знаешь... Бывалый... Учитывая то, кто его порекомендовал, я уверена, что он и посложнее клиентов вёл, — ответила девушка, красиво укладывая ногу на ногу и расстёгивая верхние пуговицы на чёрной строгой рубашке.

Олег поймал взглядом этот жест и коротко кивнул на дверь. Регина сняла туфли и босиком пропорхала в другой конец кабинета. Подойдя к двери, она защёлкнула задвижку и вернулась к Олегу. Тот легко подхватил её под бёдра и уложил на стол прямо поверх бумаг, блокнотов и разбросанной канцелярии.

— Здорово, Владос! — в кабинет вошёл капитан Тучков. — Здесь тебе приветы со всего интернета.

Тучков быстро пожал руку Лисицына и бросил на его стол несколько мелко исписанных машинным шрифтом листов белой бумаги.

— Я ослепну скоро с вами, жёванный крот! — возмутился Лисицын вслед Тучкову, который уже быстро шёл на выход. — Саш, ну ты серьёзно? Одиннадцатый шрифт? Ни черта не видно же! Что я плохого сделал вашему отделу?

— Родина велит экономить ресурсы, Владос! Ты не в Газпроме работаешь! — бросил Тучков через плечо и счастливо гоготнул от собственной шутки.

Капитан Лисицын раздражённо хлопнул ладонью по столу и на расстоянии вытянутой руки попытался прочитать текст сводок. Влад откинулся на кресло, положил ноги на край стола и прикрыл глаза ладонью. Спать хотелось невыносимо. Внезапно в окно рабочего кабинета заглянуло ослепительное солнце. Отражаясь в Неве, залив невероятным светом Литейный мост и Арсенальную набережную, солнце проникло и в окна Большого дома. Лисицын раздражённо отмахнулся от яркого луча. Солнце в городе — явление редкое и не всегда желанное. В это время пискнул лежащий на столе телефон.

«Здравия желаю, товарищ капитан! Какие планы на вечер?» — в конце сообщения Владу подмигивал игривый смайлик с сердечком.

— Пока работаю! — напечатал товарищ капитан и раздражённо отшвырнул от себя телефон.

Лисицын потянулся, размял плечи и снова взялся за городские сводки, которые ему принёс Тучков. Так... протесты против всего плохого, агитация за всё хорошее, свобода слова, новые иноагенты, акции сопротивления, группа пролетарского гнева в Купчино... Его внимание привлекло сообщение на второй странице. Это был скриншот поста известной в городе блогерши, которая писала обзоры на мероприятия и интересные места. «Во Всеволожском районе обнаружено древнее капище. Идолу, которого выкопали из-под земли, не менее двух тысяч лет! Капище уже посетили несколько сотен паломников из Санкт-Петербурга и Ленобласти...»

— Так!.. — Лисицын перечитал новость ещё раз и нервно дёрнул щекой. Блогерша оставила геолокацию капища, и Влад быстро вбил цифры в поисковик браузера, открытого на ноутбуке. Рядом не было ни церквей, ни учреждений, ни музеев, ни предприятий... Так, стоп, это что такое?... Курсор мышки потянул какой-то прямоугольник: «Социокультурный центр». — Да вы что! Вот так везение! И такая историческая находка прямо на заднем дворе! А блогерша оказалась там совершенно случайно... А чем торгуем там? Какой такой социалкой и культурой?... Что-то его зацепило в этой новости.

Он открыл свой рабочий блокнот и записал в него несколько строк. Загнул эту страничку, чтобы она выделялась. Снова пропищал телефон, сообщая, что доставил новое sms: «Я будет в редакции до 19, если есть желание встретиться, то заезжайте, товарищ капитан!». Лисицын раздражённо посмотрел на телефон, на солнце за окном и карту Всеволожского района.

Глава 2. Комета

— Ты подписана на Зину Черненко? — Фая сидела на диване в кабинете Оли Романовой и листала ленту новостей. — Она обзоры новых мест и ивентов делает.

Оля не слушала Фаину, она долго строчила сообщение на телефоне, а потом, добавив к нему игривое селфи с оголённым плечом, наконец отправила.

— Да, подписана. Она приятная девочка. А что там нового? — повернулась Романова к коллеге.

— Во Всеволожском районе найдено древнее языческое капище. Откопали идола, которому более двух тысяч лет. Там неподалёку находится какой-то социокультурный центр и якобы святые места. Приехала группа паломников, их повели просветляться куда-то в поле, а одна баба провалилась в яму... Начали вытаскивать её, зацепили ещё и идола... Вот читаю, интересно, — кивнула Кострова подбородком на экран телефона.

— А что в таких случаях делают? Комиссию созывают, экспертизу? — рассеянно спросила Оля, подкрашивая губы и смотрясь в зеркало. — Будут объявлять особо охраняемой территорией?

— Может, поехать туда? Материал собрать... — задумчиво протянула Кострова, глядя сквозь Олю.

— Подумай на выходных об этом! Я уйду! Всё, рабочий день закончен! Сейчас за мной заедет мой знакомый. Наверное, мы тебя сможем подвезти до метро. Хочешь? — Оля вскочила из-за стола, быстро сгрэбла в сумку какие-то разбросанные по столу вещи, телефон и весело посмотрела на Фаину.

— Что за знакомый? Хахаль новый? Опять мент, поди? — Фаина встала с дивана и потянула руки вверх. — Да, пора домой. Вообще-то пятница...

Через несколько минут к зданию редакции подъехала чёрная BMW, за рулём которой сидел Лисицын. Он коротко нажал на клаксон, привлекая внимание Оли, которая курила и яростно жестикулировала, разговаривая с высокой блондинкой с длинными кудрявыми волосами. Лисицын чуть внимательнее посмотрел на девушек, хмыкнул и вышел из машины. Прикуривая на ходу, подошёл.

— Добрый вечер! — поздоровался он и лучезарно улыбнулся.

— О, Владик, привет! — Романова весело чмокнула его в небритую щёку. — Знакомься, это Фаина, моя коллега! Наш спецкор! Фая, это Влад. Он работает на Литейном...

— Здравствуйте! — Влад протянул Костровой ладонь и аккуратно пожал мягкие её пальцы. — Очень приятно... — у него почему-то пересохло в горле. И теперь он видел только Фаину в ореоле её белых кудряшек и пронзительные синие глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.